

СЕРГЕЙ ЮРОВ

*В ТЕНИ ТОМАГАВКА,
ИЛИ
РУССКИЕ В НОВОМ СВЕТЕ*

18+

Сергей Юров

**В тени томагавка, или
Русские в Новом Свете**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Юров С. Д.

В тени томагавка, или Русские в Новом Свете / С. Д. Юров —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Первое десятилетие XVIII века... Охотничьи уголья абенаков в девственных лесах Северной Америки... Нити судеб трех русских братьев, морского торговца, владельца пушной фактории и военного вождя индейского племени, тесно переплетены с событиями бушующей Войны королевы Анны. Жажда мести, внезапные набеги, засады, пение стрел и грохот мушкетных выстрелов — все это читатель в избытке найдет на страницах романа.

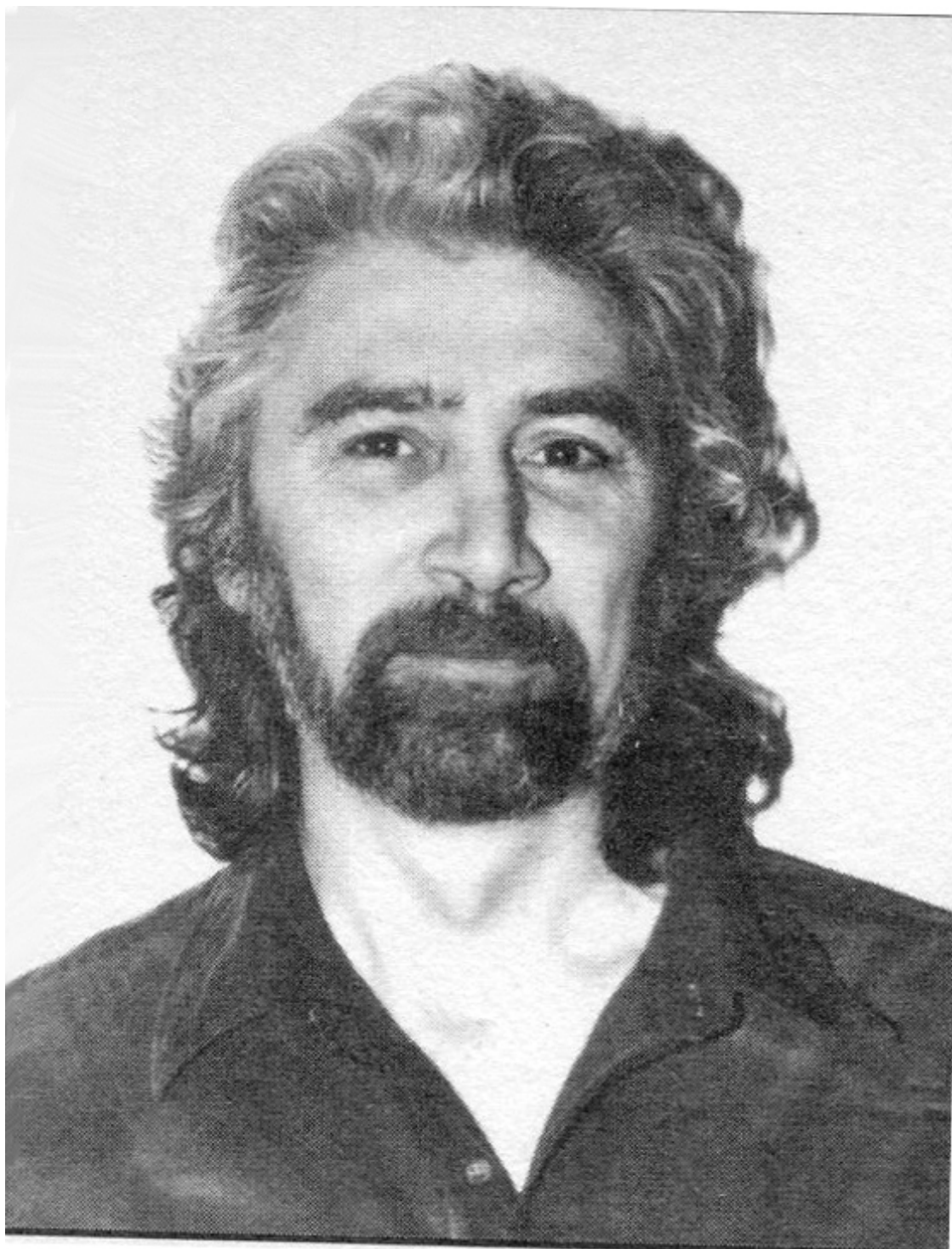
© Юров С. Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

От автора

Вышедшие из-под моего пера историко-приключенческие романы и повести посвящены истории освоения американского Запада. Тема эта мне была близка с детства. В 1970-е годы книгами про индейцев зачитывался едва ли не каждый мальчишка в нашей стране. Помню, лет в тринадцать я даже взялся писать роман в подражание «Отважной охотнице» Майн Рида. А, повзрослев, стал всерьез пробовать себя в литературе. В 1999 году издал свою первую книгу, «Длинный Нож из фотра Кинли». В том же году побывал в Америке, пообщался с ассинибойнами, арапахо, кроу, лакота, шайенами, шошонами, потомками тех самых отважных степных охотников и воинов, о которых и повествуется в моих сочинениях. В 2002 году опубликовал роман «Белый шайен», переизданный в 2010 году издательством «Вече».

У меня зрели новые планы, складывались интересные сюжеты. Но однажды мне в руки попал роман канадского писателя Альфреда Сильвера под названием «Акадия», рассказывающий о становлении маленькой французской колонии в дебрях Америки в конце XVII века. Написанный ярко и убедительно, он всколыхнул воспоминания о детстве и прочтении «Анжелики в Новом Свете», герои которой жили и сражались на берегах рек Кеннебек и Пенобскот. А вслед за «Акадией» я ознакомился с книгой американского писателя Альфреда Кейворта «Воин абенаков. Жизнь и времена вождя Эскумбуита». Эта вещь также произвела на меня глубокое впечатление – за короткий срок я прочитал ее дважды. Тогда-то мне и стало ясно: я непременно возьмусь за роман о вражде между Акадией и Новой Англией, и главными героями его станут русские люди!

Написал письмо Альфреду Сильверу. Канадец был любезен, рассказал о себе и представил список опубликованных источников, которые использовал при создании своей книги. Поразмыслил (не без юмора) над тем, что где-то в глубине России живет человек, всерьез собравшийся написать книгу «про лесных индейцев, Мэн и Акадию». Не теряю надежды отыскать его запропадившийся ответ в своих бумагах.

Альфред Сильвер

Обратился я за советом и к Кейворту. Переписка с ним, к счастью, сохранилась. Приведу вкратце содержание двух его писем ко мне (от 17 и 22 ноября 2005 года):

«Kuai Kuai, (Greetings) Sergey: Your name hints that you might be Russian... am I right?.. Abenaki Warrior... was published in 1998, when I was 78 years old... I live on tiny Escumbuit Island during the summer... I am now writing this from Loxahatchee, FL where I spend the winter. I'm curious where you located. Please let me know. Wlipamkanni (may your journey go well)! This is from Abenaki language.

Al Kayworth.

P. S. My book describes Escumbuit's raids on English settlements from Massachusetts to Newfoundland. Much of my research came from a historian for King Louis 14th.

«Kuai, Sergey... An Indian taught me to trap muskrats when I was about 12, and I later spent three years as a wilderness guide in the White Mountains of NH and at lake Whinnipesaukee... I have several Abenaki friends, an elder from the Penobscot Tribe in Bangor, Maine visited me on Escumbuit Island... I was surprised: like you, my interest comes from my youthful fascination with the Indians. Stay in touch.

N'datlogit "Story Teller" Name given to me by the Abenaki... Al Kayworth».

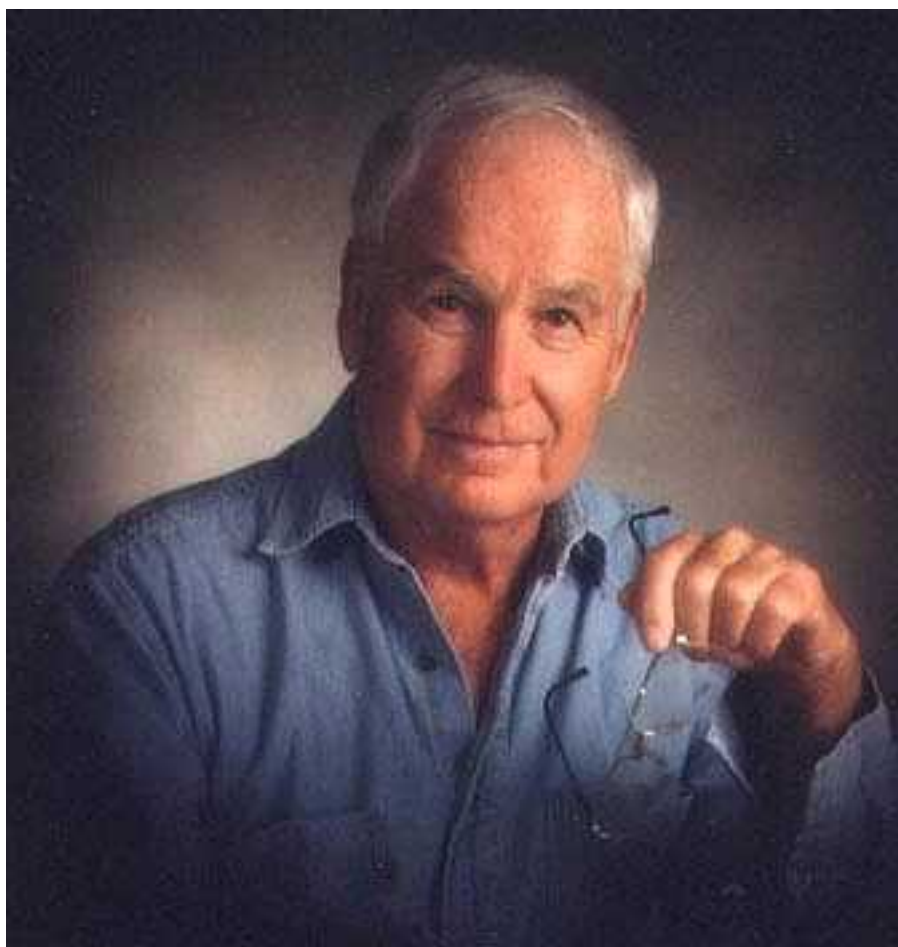
«Приветствую, Сергей! Твое имя намекает на то, что ты русский... Я прав?.. «Воин абенаков» был издан в 1998 году, когда мне было 78 лет... Летом я живу на крошечном острове Эскумбуит... Письмо пишу из Флориды, из Локсахатчи, где провожу зимы. Мне интересно, где живешь ты. Пожалуйста, напиши. Влипомканни (удачного пути)! Это из языка абенаков.

Эл Кэйворт.

P. S. В моей книге описываются набеги Эскумбуита на английские поселки от Массачусетса до Ньюфаундленда. Большая часть исторических источников взята у историка короля Людовика XIV».

«Привет, Сергей! Индеец научил меня ловить ондатру, когда мне было 12. Позднее я три года служил гидом-проводником в Белых горах Нью Гемпшира и у озера Уиннипесоки... У меня несколько друзей абенаков, старейшина племени пенобскотов из Бангора в Мэне навещает меня на острове Эскумбуит... Я был удивлен: как и у тебя, увлечение индейцами у меня с детства. Будем на связи.

Н'датлогит, Рассказчик историй, имя, данное мне абенаками... Эл Кэйворт».

Альфред Кейворт

Я с энтузиазмом взялся за новую книгу, писал одну главу за другой, практически, дошел до финала, когда меня с головой накрыло другое увлечение – краеведение! К истории родного края я был не равнодушен с детства – читал книги Л.Е. Рудакова, Н.В. Маркова, А.Ф. Мартынова, В.М. Жданова, собирал в особую тетрадь вырезки из газет и журналов. Ну, так вот, заглянул в архив, выписал метрические книги, дела уездного суда, документы нижней расправы – и пошло-поехало!.. В результате исследований я составил свою родословную вплоть до 16 колена (конец XVI – начало XVII века, времена царей Федора Иоанновича и Бориса Годунова). Отмечу, предки мои по линии отца были казаками, а по линии матери – стрельцами у великих бояр Ивана Никитича и Никиты Ивановича Романовых, близких родственников царя Михаила Федоровича, и несли службу на русском степном пограничье.

Занимаясь краеведческими изысканиями, я написал ряд статей, издал книгу «Город Романов-в-Степи и его округа», ставшей в 2014 году лучшей среди научно-популярных трудов по краеведению, подготовил к публикации историко-родоведческие заметки «Уездный Липецке и село Подгорное» и исторический детектив «Убийство в имении Отрада». Между тем, ваш покорный слуга, избранный в конце 2015 года членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств, не забывал, что роман «про лесных индейцев, Мэн и Акадию» все еще не завершен. Последняя точка была поставлена в декабре 2016 года, когда главный редактор журнала «Петровский мост» И.Н. Безбородов, сообщил мне, что готов опубликовать роман на страницах литературно-художественного издания.

Таким образом, впечатления от «Акадии» и «Воина абенаков» были столь сильны, что отвлекли меня от темы Дикого Запада и заставили обратиться к временам Колониальных войн,

написать историко-приключенческий роман о событиях, имевших место на атлантическом побережье Северной Америки в начале XVIII века. Ну, а что получилось из этого, судить вам, мои дорогие читатели.

(Сокращенный вариант романа опубликован в литературно-художественном журнале «Петровский мост» в 4 номере за 2016 год)

Предисловие

Они шли с юго-запада. На долгом пути были остановки, менялись поколения, но скитальцы, невзирая ни на что, упорно продвигались к северо-востоку. Им приходилось вступать в кровопролитные схватки и заключать мир, преодолевать крутые горы и переправляться через быстрые реки. Они продолжали идти вперед до тех пор, пока перед ними не открылась необозримая ширь северной Атлантики.

Это были люди, которые стали известны в истории под именем абенаков. Новые земли полюбились Народу Утренней Зари. В них были густые леса, полноводные реки и глубокие озера. Вскоре у каждой группы появились излюбленные охотничьи угодья, и единая когда-то общность краснокожих распалась на несколько родственных племен.

Так образовались сококи и аросагунтакуки, пигвакеты и рокамеки, амасеконти и веве-ноки, кеннебеки, норриджевоки и пенобскоты, составившие Конфедерацию Мавушен, которая просуществовала до 1607 года. Тогда военные отряды враждебных микмаков нанесли Людям Утренней Зари не одно жестокое поражение. Страшная эпидемия чумы спустя 10 лет едва не закончила начатое микмаками – она унесла около 70% абенаков.

Малочисленные и разрозненные племена продолжали жить и охотиться в своей красивой стране, которую они называли Ндакина – Наша Земля. Но когда могучая Лига ирокезов принялась безжалостно уничтожать их поодиночке, абенаки осознали, что нужно объединяться вновь.

Так возникла Конфедерация вабанаков, включившая в себя не только родственных абенаков провинции Мэн, но близких им пассамакоди, малеситов, канадских абенаков Сен-Френсиса и Беканкура и даже враждебных когда-то микмаков. Абенаки превратились в грозную силу, с ними стали считаться все восточные лесные племена, включая свирепых ирокезов.

Законы Конфедерации были просты и понятны. Аросагунтакук с реки Андроскоггин мог свободно охотиться в землях пенобскотов, а амасеконти – на родине норриджевоков. Малесит имел возможность выбрать себе жену в любом из становищ абенаков. Пассамакоди не боялся больше путешествовать западнее реки Сен-Круа. Возникавшие проблемы разрешались у костра Великого Совета, который ежегодно возгорался на территории одного из союзных племен.

Но потом пришли совсем другие люди. Светлокожие, бородатые, с иным укладом жизни они настойчиво продвигались вглубь Норумбеги – легендарной, сказочно богатой, по их мнению, страны, – стараясь закрепиться в ней навсегда. Одни, французы, теснили Людей Утренней Зари с севера, другие, англичане, накатывались с юга. И загремели мушкеты, запели стрелы, полилась кровь. Это были яростные битвы за волшебный край мшистых лесов и синих озер. Эта была жестокая война за Эльдorado северо-востока, за Акадию.

Ярка и удивительно драматична история этой земли. Имена ее почти легендарных героев – Шамплейна и Разийи, Д'Онэ и Лятура, Модокавандо и Эскумбуита, Сен-Кастена и Сюберказа, – еще слышны в шуме лесной листвы от границ Новой Англии до туманных берегов Ньюфаундленда.

Вспомним же, читатель, те суровые времена и последуем туда, где названия местечек ласкают слух, несут в себе таинственность и будоражат воображение. Только вслушайтесь: Матта-

вомкег, Миссагуаш, Пемадамкук, Сагадахок, Уискассет, Шубенакади... Заинтригованы? Тогда – в дорогу!

Пролог

Торговый бриг «Казак» грузно покачивался в беспокойных водах залива Фанди. На палубе слышались громкие команды владельца судна и капитана Джона Хука. За их исполнением он не следил, полагаясь на опытного помощника Алекса Рэма. Все внимание его было сосредоточено на маячившей вдали французской шхуне.

– Ну, что там, сэр? – спросил худощавый и рыжебородый помощник, прежде обругав нерасторопного матроса.

Приникнув к подзорной трубе, Хук молчал. Его губы были плотно сжаты, волевой подбородок приобрел еще более твердые очертания.

– Французы, похоже, собираются спустить шлюпку на воду, – наконец проговорил он с расстановкой. – Ну, уж нет!.. Быстро приготовить пушку!

Повторив приказ, помощник встал подле хозяина брига.

– Позвольте взглянуть, сэр.

Взяв подзорную трубу, он мельком осмотрел шхуну и перевел взгляд на плывшего к бригу человека.

– Х-м-м, кажется, прыгнувший со шхуны пловец вовсе и не подданный английской короны!

– Да?.. Ну, и кого же мы собираемся принять на борт?

Всмотревшись в пловца, Рэм отчеканил:

– Индейца, сэр!

Джон Хук выхватил из рук помощника подозрную трубу и снова поднес ее к глазам.

– Стоило тут болтаться из-за какого-то дикаря! – недовольно пробурчал он, спустя секунду.

Рэм, краем глаза поглядывая на капитана, наморщил лоб.

– Все отменяется? А ведь пушка заряжена... Вспомните утренний успех, удача с нами!

Рэм напомнил хозяину о захвате шляпа, шедшего из Европы в Порт-Ройал с товарами для профранцузских индейцев. Темноволосый Хук какое-то время просто стоял и рассеянно смотрел вдаль. Затем в его карих больших глазах блеснула решимость. Вытащив из ножен длинный нож, он повернулся к висевшей на мачте самодельной мишени. Короткий взмах правой руки, и острое клинка вонзилось в дюйм от центра нарисованного круга.

– Такому броску позавидовал бы и старший брат, – пробормотал капитан себе под нос.

Увидев, как к пловцу на всех парах мчится шляпка, он проревел:

– Вздует французов, парни!.. Огонь!

Снаряд из пушки правого борта, изрыгнувшей дым и пламя, приводнился в десятках ярдов от шляпки, но она развернулась и резво понеслась вспять. Матросы громко захохотали, а Хук с улыбкой ткнул локтем в бок своему помощнику.

Индейский же пловец, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, быстро приближался к «Казаку». Он мощно работал руками, видно было, что это выносливый и сильный человек. Ещё немного, – и его пальцы коснулись правого борта. По сброшенной веревочной лестнице он легко взобрался на палубу. На вид ему было лет двадцать пять. Он был высок, строен, имел скуластое лицо с широким ртом, орлиным носом и блестящими черными глазами. Его длинные волосы были собраны высоко на макушке в хвост, а в скальповой пряди виднелось ястребиное перо, растрепанное и поникшее. С замшевых леггин, отороченных густой бахромой, и набедренной повязки на украшенные иглами дикобраза мокасины стекали струйки морской воды. Взгляд воина после короткого осмотра корабля остановился на капитане.

Хук, сузив глаза и поглаживая подбородок, также смотрел на индейца и над чем-то раздумывал. Под камзолом и жилетом 34-тилетнего моряка виднелась серая рубашка с кружевными манжетами и оборками. На голове его красовалась большая треугольная шляпа с серебряной кокардой и золотым кантом, на ногах были обтягивающие бриджи и высокие черные ботфорты.

– Скванто! – выкрикнул он затем.

Матрос-метис из племени наусетов, которого моряки окрестили именем знаменитого друга пилигримов, живо предстал перед хозяином.

– Узнай кто он, что он и почему сбежал с французского судна? – потребовал Хук.

Метис, неплохо разбиравшийся в языках индейцев Мэна, задал пловцу несколько вопросов.

– Китче Пишу абенак из племени негасегов, – объяснил он. – Его люди занимались сбором моллюсков на отмелях восточнее устья Кеннебека. Вчера, перед уходом к родным местам, негасеги решили поторговать с французами, чей корабль неподалеку бросил якорь. Вечером моряки подпоили Китче Пишу и силой затащили на шхуну. Негасег говорит, что среди похитителей был офицер из Порт-Ройала, которого малеситы называют Серебристым Лисом. На шхуне Китче Пишу передали знатному господину из Франции. Тот все и затеял, желая занять в своем поместье краснокожего слугу.

Хук задумчиво посмотрел на индейца.

– Значит, это абенак... Но я не слышал о негасегах. И абенаки, насколько мне известно, ушли в Канаду и союзничают с французами.

– Не совсем так, – пояснил Скванто. – Многие остались в Мэне. А пенобскоты, норриджевеки и пассамакоди, например, никуда и не думали уходить. Если хорошенько поискать, то

там обнаружатся и пигвакеты, и аросагунтакуки, и амасеконти с рокамеками. Негасеги же это небольшое племя, частью норриджевоки, частью пенобскоты из клана нахаму.

Хук оживился, на его кареглазом, мужественном лице появилось выражение заинтересованности.

– Где обитают эти негасеги?

– Говорит, на притоках Себастикука.

Капитан хмыкнул, достал из нагрудного кармана камзола сложенный лист бумаги и, развернув, быстро пробежал по нему глазами.

– Участок на речке, впадающей в Медомак!.. Совсем рядом... А ну-ка, Скванто, спроси у дикаря, есть ли в его лесах пушное зверье?

– Могу и сам заверить, сэр, что всякой дичи там полно и...

– Делай, что сказано!

Метис снова заговорил на мягком наречии. Индеец его выслушал, а потом живо устроил что-то вроде пантомимы, показывая повадки разных животных. Хук заметил, что его скальповая прядь была заплетена в две тонкие косички.

– Ну, что я говорил, сэр! – улыбнулся метис.

– Что ж, неплохо... Пушнина – это здорово, но... как быть с безопасностью?.. Стоддард!

– Да, сэр, – откликнулся корабельный плотник с обширной лысиной и густыми седыми бакенбардами.

– Слышал, тебе довелось пожить в разных пограничных селениях Мэна.

– Так и есть. Менял их, как француз носовые платки. Йорк, Каско, Эрроусик. Последнее мое жилище стояло у залива Мачиас до тех пор, пока его не спалили малеситы.

– Н-да-а, – протянул Хук, глядя на покрытые хвойным лесом далекие пустынные берега. – Эти индейские налеты... Но ведь их можно избежать, если... честно торговать с индейцами и не делать им зла.

– Не причинял я им зла, – сказал плотник, почесывая бакенбарды. – Ну, бывало, надувал в сделках с пушниной. Но это ж обычное дело.

– Э-э, куда тебя занесло! – протянул один из матросов. – Не стоило, старина, селиться возле охотничьих угодий французских дикарей. К востоку от Кеннебека дьявольски ненадежные места.

– Где в Мэне ты найдешь безопасное место? – Стоддард хмуро посмотрел на матроса. – Только в Сако да, может быть, Портсмуте... А в других районах индейцы по-прежнему наглы и опасны. Сегодня они жмут тебе руку, а завтра попытаются содрать скальп. Хитрости в них – уйма! Ты не видишь ни кончика пера, ни пятки мокасины, а они уж давно торчат в подлеске и держат тебя на мушке... Эх, и вспомнишь добрым словом губернатора Эндроса. Хоть и ходил он в папистах, но ведь сумел обезопасить границу – повсюду расставил военные гарнизоны. Ни уговоры, ни вознаграждения за скальпы и поимку пленников не могли заставить краснокожих взяться за оружие.

– Ну, Стоддард, – усмехнулся Хук, – это всего лишь разговоры о золотом прошлом. Помню я те времена. И тогда лилась кровь поселенцев, индейцы уводили пленников под носом у солдат. Да и не получится приставить военного к каждой пограничной лачуге. Как я и сказал, только честная торговля и миролюбие позволят поселенцу ужиться с краснокожим.

Поглаживая подбородок, он снова посмотрел на индейца.

– Как негасеги и другие племена относятся к торговому посту на притоке Медомака и к поселенцам, живущим возле него?

– Сэр, абенак говорит, что поселенцы не ингизы, их мало, и это хорошо. Плохо то, что в фактории закончились товары.

Хук понимающе улыбнулся.

– А что представляет из себя Кичу... Гичу... тьфу!..

- Рысь, сэр. Индейца зовут Рысь. Он сын военного сагамора негасегов.
- Хук довольно хмыкнул и долго смотрел вслед удалявшейся французской шхуне.
- Какой сегодня день? – наконец проговорил он.
- Ему подсказали дату.
- 20 июня 1709 года запомнят в семье старшего брата.

ГЛАВА 1

Темноволосый и поджарый юноша, устроившийся вместе с приятелями на сосновом бревне в Индейской бухте, перестал глазеть на ленивую разгрузку облупленной пинассы и все свое внимание переключил на приближающийся парусник. Когда он заявил, что судно бросит якорь именно здесь, в бухте, его оспорил лишь один единственный голос:

- Так уж и здесь!

Темноволосый со вздохом покосился на парнишку с рыжими вихрами и вздернутым, конопатым носом.

– Посуди сам, Билли, тут тихо и уютно. Да к тому же наша бухта достаточно глубока. Что еще нужно кораблю?

- А если он впервые попал в наши места? – не унимался рыжий.
- Посмотри, как... как бриг уверенно идет к берегу.
- Выдумал!.. Бригантина это, лопни мои глаза!

Все перестали дышать, уставившись на далекий корабль.

– Что-то не видать косых парусов на гроте твоей бригантины, Билли? – съязвил темно-волосый, спустя некоторое время. – Молчишь?!.. Это торговый бриг, дубина!

Когда двухмачтовик с белыми прямыми парусами приблизился настолько, что можно было разобрать его название, челюсть морского знатока отвисла.

– Ни-че-го себе! – воскликнул он и, сорвавшись с бревна, без объяснений стремглав помчался к дому.

* * *

В восточном конце длинного поселка, недалеко от укрепленного блокгауза Сторера, Дэннис Хук медленно разогнул спину и отер проступивший на лбу пот. Как обычно, 38-летний поселенец присел на толстый дубовый пень, до выкорчевки которого у него так и не дошли руки. Его голубые глаза равнодушно окинули десяток акров неприглядной прибрежной земли и остановились на том месте, где он только что рыхлил землю. Раньше полевые работы исполнялись им с охотой, а теперь они его просто изводили. Он по привычке делал то, что нужно было делать в эти сроки. А все потому, что оскудела прежде довольно сносная почва.

Хук покачал головой. Он уже наперед знал, что осенью его будет ждать жалкий урожай кукурузы, пшеницы и бобов. Да и это все выйдет жухлым и невзрачным из-за истощенной земли.

Поселенец вздохнул, достал из кармана домотканых полотняных штанов трубку и набил чашу табаком. Когда искры от огнива сделали свое дело, он выпустил клуб дыма и довольно пробормотал:

- Добрый табачок!.. Виргинский!

С побережья тянуло соленой прохладой, слышался шум прибоя и заунывный крик чаек. Неспешный процесс курения обратил мысли поселенца к образу среднего брата. Завязатого морехода родные редко видели в окрестностях Уэллса. Тому были по сердцу океанская ширь и странствия. Но уж если он появлялся, то не с пустыми руками. Копченое мясо тропических зверей, южные фрукты, патока, ваниль, шоколад и многое другое дарилось в немалых коли-

чествах. Дети не чаяли в дяде души, отождествляя его визиты с большущим праздником. И покойница супруга радовалась моряку, ибо без подарков завзятый холостяк ее не оставлял. То красивым платьем одарит, то цветастым платком, то шикарной шалью.

"Где-то он теперь? – подумал Дэннис, выпустив клуб ароматного дыма. – Бог весть!.. Слов нет, просоленный морской волк! Вот, и сынок мой весь в тебя. Вечно пропадает у моря и мастерит кораблики. Н-да-а... Зато младшего брата качнуло в другую сторону. Но уж скажу, чересчур! Этот не мнит себя без дебрей. Охота, рыбалка и лесные скитания с бродячими индейцами старого Мокасины – его стихия. Перенимает индейские языки, недавно хвалился, что даже выучил несколько ирокезских слов. Ночует в продымленных вигвамах, курит вонючий кинникинник, чуть ли не сагамор среди дикарей... Х-м-м... Есть и польза – в доме нет недостатка в свежем мясе и битой птице".

Он прикрыл глаза, и унесся в мыслях к своей молодости. Ему самому довелось вдоволь поохотиться, порыбачить и поторговать с индейцами. Он до сих пор видит во сне, как они с отцом выменивают у индейцев искрящуюся, мягкую пушнину и укладывают ее в аккуратные стопки. Любил он тогда лесные путешествия, однако не до такой степени, чтобы, как младший, с резью в глазах и першением в горле подолгу торчать в индейских жилищах. Аборигены, по большому счету, для него оставались людьми непонятными, чужими.

А потом женитьба, оседлость, смерть родителей, появление ребятишек. Дети росли, он мужал и прилежно обрабатывал доставшийся в наследство кусок земли, на который сейчас у него не смотрели глаза. Теперь он частенько поглядывал на северо-восток, где росли девственные, нетронутые леса.

Младший брат разделял его тягу к перемене мест и часто пересказывал байки Мокасины о восточных землях за Кеннебеком – родных местах старого вождя. Покойная же Анна и думать не хотела о переселении, говоря, что они будут жить, как жили. «Ты в своем уме, – урезонивала она его, – соваться в самое сердце охотничьих угодий французских дикарей?!.. Но даже если я потеряю рассудок и соглашусь, то на какие шиши мы купим там землю?».

– Покойница говорила правду, – пробормотал Хук. – Денег как не было, так и нет. Откуда им взяться, если я зря гну спину на этом никуда не годном клочке земли! Продать его? Вряд ли на него позарятся, предложи я и дом в придачу... Были виды на продажу скота, но проклятый падеж разбил все надежды... А, может, бросить все да пристроиться в Бостоне к брату?.. Нет, не по душе мне эти шумные города... Ну их к черту!..

Он поднес правый кулак ко рту и подул на свежие ссадины на костяшках пальцев. Вчера вечером подвыпивший забияка, кузнец Джо Гардинг, опять ввязался с ним в драку и снова был побит.

– Эй, на пеньке! – послышалось откуда-то. Хук оглянулся и увидел своего давнишнего соседа и брата покойной жены, голландца Вескампа.

– Шагай сюда, Йохан!

Сорокалетний светловолосый голландец с пучком светлых усов под длинным утиным носом перелез через изгородь и, пожав родственнику руку, присел на пень. Облачен он был в полотняные домотканые штаны и рубаху без ворота.

– Не угостишь табачком? – спросил голландец на сносном русском.

– Всегда, пожалуйста.

Корни Хуков – Дэнниса, Джона и Джорджа – уходили в русскую землю. Их отец, Антон Крюк или Юрьев и мать, Марья Негрובה, происходили из семей служилых людей великих бояр Романовых, и поживали бы себе на родине, если б не крымские татары. Осенью 1669 года небольшой отряд степняков скрытно подступил к городу-крепости Романов-в-Степи, взял подвернувшихся людей в полон, доставил их в Бахчисарай да и продал туркам. Антон и Марья оказались в рабстве у одного хозяина. Парня отправили на псарню, а девица стала служанкой любимой жены богатого турка. Но неволя их длилась недолго. Сговорившись, русские сумели

бежать и на утлой лодчонке выплыли в море. Первым встречным кораблем оказалась пиратская шхуна француза Пьера Лефевра. Перед морскими разбойниками предстали два русских парня (еще на берегу девушка обрезала волосы и облачилась в приготовленные штаны и рубаху). Так Антон и Марья, телосложением напоминавшая сухощавого подростка и назвавшаяся Денисом, вынуждены были вступить в пиратское братство.

Пограбив в Средиземноморье и Бискайском заливе, пираты взяли курс на запад, к Канаде. Морской разбой пришелся русским не по душе. Когда шхуна избавилась в Квебеке от наживы и направилась к Карибским островам, они, прихватив кое-какое золото Лефевра, улизнули с нее у берегов Массачусетса. Радость беглецов, почувствовавших под ногами земную твердь, была, однако, недолгой. А все потому, что крепившийся к поясу Антона мешочек с золотыми монетами во время борьбы с волнами ушел на дно.

Обнаружив утерю, русские скитальцы озабоченно переглянулись. Удар был силен. Ведь с золотом Лефевра они без проблем достигли бы Родины. Без него им оставалось только вооружиться терпением и надеяться на лучшее. Молодые люди за время мытарств так сблизились, что под благословение протестанского священника связались узами брака. Перебиваясь в Бостоне и его окрестностях случайной работой, они сумели собрать некоторую сумму для оплаты проезда, но беременность Марьи спутала все планы. Когда же девочка-первенец появилась на свет и начала подрастать, молодая чета, взвесив все за и против, порешила искать счастья там, куда забросила их судьба и где родилась Акси́нья. Авось, когда-нибудь они сядут на корабль и доберутся до берегов России! Антон, освоивший на борту пиратского судна технику точной стрельбы из мушкета, обзавелся оружием и взялся за поставку на рынок свежей дичи и пушнины. Вскоре, поднакопив денег, молодые купили недорогой участок земли в пограничном городке Уэллс. Построили дом, навесы и амбары, очистили от камней и деревьев поле, завели кур и гусей. К несчастью, Акси́нья и еще одна дочь, Аграфена, умерли, заразившись оспой. Но уже подрастали сыновья, Денис и Иван и родился последыш, Егор.

Жизнь на границе была опасной, а потому Антону не раз приходилось видеть из бойниц блокауза Сторера, куда сбегалось во время опасности население округи, как вышедшие на военную тропу индейцы грабят и жгут его жилище. Но русский, как и большинство колонистов, несмотря ни на что, упорно возводил его снова.

Мечта о возвращении в Россию так и осталась мечтой. В конце концов, Антон и Марья осознали, что задуманного не свершить. С щемящей тоской они вспоминали места, связанные с детством и юностью: высокие острожные башни Романова-в-Степи, золоченые купола соборной Архангельской церкви, старицы и ерики реки Воронеж у родного села. Обычно мечтавший о море Иван подбадривал родителей. Он обещал им бросить когда-нибудь якорь у берегов России, чтобы добраться до степной крепости и поклониться дедовским могилам.

– Из города Романова в село Подгорное на крестьянское житье-бытье перебрался родитель мой, Кузьма, – говорил сыновьям отец. – А дед, Юрий Елманов сын Крюк, храбрым казаком был. Погиб в сече с крымскими татарами. Это в его честь Юрьевыми нас на Родине прозвали.

Прожив в любви, трудах и заботах свыше сорока лет, старики, известные среди колонистов как Хуки, друг за дружкой сошли в могилу. Судьбы их детей складывались по-разному. Старший, Денис, остался за хозяина в отчем доме. Иван перебрался в Бостон и сделался опытным мореходом. Младший же, Егор, продолжая жить в Уэллсе, подолгу пропадал в лесах с местными краснокожими.

– Что, побаливают? – спросил голландец, указывая на ссадины.

– Ерунда.

– А кузнец не успокоился после вчерашней стычки. Сегодня снова в подпитии, и грозит «намять бока русскому медведю»... Человек-то он неплохой, но как выпьет, так к тебе с кулаками! Ведь ты один в этих местах поколачиваешь здоровяка.

Голландец поглядел на огород соседа, пошевелил белесыми усами и вздохнул.

– Ну что, Денис, продолжаем толочь воду в ступе?.. Копаем, сажаем, рыхлим, а толку?

– Толку мало, шуряк, – согласился Юрьев. – Сажу на пеньке, курю и думаю о будущем урожае... Знаешь, терпение мое подходит к концу.

– Это понятно, но что делать?

Юрьев хмыкнул и тряхнул головой.

– Вот махну за Кеннебек!

– Ну-у, опять за старое, – протянул голландец. – Не терпится расстаться с волосами?

– Оscalпировать могут и здесь, в Уэллсе, – возразил русский. – Могут и за Кеннебеком, но там жирные почвы, пушнина, вольное житье без налогов.

Вескамп прерывисто вздохнул.

– Здорово, Денис, чего уж там... Но ведь деньги...

– Эй, русский, шагай сюда! – послышался громкий окрик.

Юрьев и Вескамп оглянулись. У изгороди стоял, набычив шею, местный кузнец-забияка со свежим синяком под глазом. В обличье его явственно проступали вызов и бравада.

– Приперся за новой взбучкой, Гардинг? – обратился к нему Юрьев, поднимаясь с пенька.

Драка и на этот раз была недолгой. После двух промашек соперника Денис сделал ложный выпад и провел мощный удар снизу и справа, как и подобает человеку с прозвищем-фамилией Хук. Кузнец мешком опрокинулся на спину, подмяв под себя изгородь.

– Когда-нибудь ты от меня все равно огребешь! – проговорил он, вставая и сплевывая кровь с разбитой губы.

– Проваливай! – усмехнулся Юрьев. – На сегодня хватит.

Кузнец, бормоча под нос, поплелся к таверне. В этот миг мимо него по направлению к дому Хуков промчался темноволосый юноша. Взглянув на бегуна, Вескамп дернул русского за рукав.

– Чего это Павел несется как угорелый?

Денис взглянул на сына и заулыбался, обнажив ровные белые зубы.

– Не догадываешься?.. Если у Пашки так пятки сверкают от самой пристани, значит, «Казак» на подходе.

Едва он произнес это, как Павел прокричал:

– Крестный к нам в гости, папаша!

ГЛАВА 2

Иван Юрьев подошел к родному дому в сопровождении матросов, чьи спины сгибались под бременем тюков и бочек. Только он да шагавший рядом индеец были налегке. Ему, как владельцу и капитану корабля, по штату не полагалось поднимать вещей тяжелее курительной трубки и подзорной трубы, а гордый потомок сагаморов один намек на помощь в качестве носильщика принял за оскорбление.

На пороге Ивана поджидали сам хозяин, широкоплечий, высокий, с правильными чертами продолговатого лица, обрамленного густыми светлыми волосами; шестнадцатилетний кареглазый и темноволосый Павел, похожий на крестного, а значит, и на деда Антона; восьмилетние двойняшки Виктор и Дарья, пошедшие в круглолицую и светловолосую русскую бабку.

Едва Иван раскинул руки, как детишки, радостно гомоня, миготом оттянули ему шею. Засмутившийся Павел неуклюже пожал крестному отцу руку и отступил в сторону.

– Ну, вот и свиделись, Ваня, – проговорил Денис, обнимая брата. В семье общались всегда только на русском. – Почитай, год тебя тут не было.

– Десять месяцев, если быть точным. Мои соболезнования. Услышал о кончине Анны, когда вернулся в Бостон из плаванья... Царствие ей Небесное!

– Только сейчас стал приходить в себя... На Anne весь дом держался, да и любил я покойницу. Если б не проклятая холера!..

Оба опустили глаза, помолчали.

– Жизнь продолжается, брат, – нарушил молчание Иван. – Анну не вернуть, а у тебя дети... Надо думать о будущем.

– Да, конечно, – вздохнул Денис. – Что ж это мы стоим на пороге?... Зайдем в дом.

Он вопросительно посмотрел на индейца и повернулся к Ивану.

– Позже все объяснится, – проговорил тот и, взяв у матроса мешок, приказал команде:

– Снесите поклажу в сени, и марш отсюда!.. Разрешаю промочить глотки в ближней таверне, но что б никого потом не штормило... Боцман Хокинс – за старшего!

Широкоплечий курносый моряк с окровавленной повязкой на голове, ухмыляясь, заверил капитана:

– Я присмотрю за ребятами, сэр.

Освободившись от груза, повеселевшие моряки гурьбой высыпали на улицу.

Войдя в дом, Иван поднял глаза на святой угол, перекрестился и сел за дубовый стол, переживший все пограничные невзгоды. За столом этим он сживал с пеленок, и, бывало, получал от отца по лбу деревянной ложкой за шалость. Обведя взглядом привычную обстановку – обширный очаг с котелками, самодельные лавки, занавески спален и прочее, – Иван встряхнул тяжелый холщовый мешок и скомандовал шутиливо:

– Приготовиться к раздаче подарков!

Просиявшим от счастья двойняшкам достались красивые башмачки, детские вельветовые костюмчики, разные сласти и фрукты. Денис заполучил дорогой бархатный камзол, модную треуголку, ботфорты и большой кисет виргинского табаку. А потерявший дар речи крестник стал обладателем складной подзорной трубы и компаса.

Приподняв заметно похудевший мешок, Иван произнес:

– Тут кое-что осталось для Егора. Где он?

– Где ж ему быть, как не в лесах, – ответил Денис.

– С Мокасином?

– С его сбродом, будь уверен, – усмехнулся старший брат. – Торчит с индейцами днями и ночами, верховодит ими на пару с сахемом, стал похож на черта – так загорел и прокоптился!

Иван, улыбнувшись, развел руками.

– Его это выбор, брат, что тут скажешь?... Но он был бы здесь весьма кстати.

– Важное дело?

– Надо поговорить вот с этим краснокожим. – Иван кивнул на стоявшего возле дверного косяка индейца. – У меня есть толмач, Скванто, но дело серьезное, семейное. Егор нужен, как воздух.

Денис перевел взгляд с абенака на Павла, вертевшего в руках дорогие подарки.

– Не слыхал, где сейчас эти проходимцы, индейцы Мокапина?

– На пристани торчит сын Охотничьего Лука, – сказал юноша. – Он должен знать.

– Сбегай-ка туда и скажи Сигавану, что Дэннис Хук дает бутылку вина за оповещение Егора.

Павел бросился наружу, а хозяин дома выставил на стол горшок с маисовой кашей, тарелку гусиных потрохов и поднос с большими кусками тушеной оленины. Появилась и бутылка домашнего вина.

– Неплохой напиток, брат, – сказал Денис, наполняя оловянные кружки. – Отведай.

Он знаками пригласил выпить и индейца, но тот решительно покачал головой.

– Похоже, Рысь сыт той выпивкой, какой его угостили похитители, – ухмыльнулся Иван.

– Что за выпивка? – поинтересовался хозяин. – Какие похитители?

– Всему свое время... Вино, говоришь?... Что ж, выпьем.

Опустошив кружку, он даже не поморщился.

– Твой сироп, Денис, детская забава... Душа требует рому!

Он вышел из-за стола и направился к сениям. Старший брат двинулся следом и, когда Иван поднял с пола бочонок, тронул его за плечо.

– Эти все мешки и тюки с "Казака"... Для кого они?

Иван окинул взглядом корабельный груз и подмигнул брату.

– Чего тут только нет, и все принадлежит тебе.

– Мне?!.. – изумился Денис.

– Ладно, – сказал моряк, – пошли-ка за стол. Я расскажу тебе свою историю.

Все, включая абенака, расселись и принялись за еду. Среди стука ложек зазвучал ровный баритон Ивана:

– Загрузившись в Вест-Индии патокой, ванилью табаком и прочим товаром я взял курс на Акадию. Там всегда хороший спрос на это. Война-войной, а многие моряки продолжают вести прибыльную торговлю с Порт-Ройалом.

– Сколько тебе говорить, контрабанда – дело опасное, – покачал головой Денис. – Продают власти, и не оберешься неприятностей.

– Ну, власти сами греют на этом руки. Через своих агентов, конечно. Все знают либо подозревают, что сношения с акадийцами не прекратились с началом войны, но козла отпущения не нашли и поныне... Ну, так вот, на пути к Кейп-Сейблу во французских водах мы поравнялись со шлюпом «Иль-де-Франс». Пушки на моем борту установлены больше для остротки пиратов. Я понадеялся на мирный проход, однако с палубы суденышка в нас пустили пару пуль, одна из которых пробила полу камзола Алекса Рэма, а другая оторвала полуха у боцмана. Это было уж слишком, и я приказал дать залп из пушек по наглецам!.. В левом борту шлюпа где-то у ватерлинии образовалась большая пробоина, а его единственная мачта рухнула вниз. Крики о пощаде не заставили себя долго ждать. Зло было наказано, и я сжалился над французами... Но трюм шлюпа после нашего визита стал таким же пустым, как брюхо потрошеного кашалота. Прихватив законную добычу, мы пошли дальше...

– А французы?

– Кто вплавь, кто на лодках добрались до берега.

Иван затем рассказал о встрече с другим французским кораблем, с палубы которого бежал индеец.

– Выходит, – заключил Денис после некоторого раздумья, – в Порт-Ройале тебе уж не бывать.

– Ясное дело, теперь я в черных списках, – развел руками моряк. – Но что ни делается, все к лучшему... Если нет с Акадией торговли, и она объявляет мне войну, то я принимаю вызов... В доках Киттери строится мой второй корабль, и спустится он на воду в военных целях. – Иван наполнил обе кружки и провозгласил: – За шестнадцатипушечный «Град Романов»!.. За то, чтобы бриг покрыл себя славой в северной Атлантике!

Братья выпили и трижды крепко расцеловались. У Дениса на ресницах блеснула влага. Он гордился своим братом-мореходом. За десяток с лишним лет тот стал вровень с самыми известными коммерсантами Бостона. С ним водили дружбу не только владельцы судов, но и известные политики.

– Тебе невдомек, кого я вижу капитаном брига? – спросил моряк.

– Ну, Рэма, наверное – пожал плечами Денис.

– Как бы не так!.. Рэм останется на «Казаке». Пол Хук – вот кто со временем встанет на капитанский мостик «Романова»!

– Гм-м, Пашка, значит, гм-м... Но он ведь желторотый цыпленок.

– При надлежащем досмотре станет орлом.

– Ну, нет, так нельзя. Рановато ему еще...

– Вот уперся – мал да желторот. А мне больше было, когда я подался в юнги?.. Да и негоже удерживать того, кто спит и видит себя на корабле – тайком удерет в море!

– Послушай, братишка, – сказал Денис. – Я, конечно, знал, что придет время для такого разговора. Но ведь одно дело игрушечные кораблики и совсем другое – военный бриг.

– Я же сказал, «со временем». После того, как крестник пройдет обучение на провинциальной галере.

Старший Юрьев повздыхал, погладил, как это при жизни делал отец, мочку правого уха и взглянул на брата.

– Приходится признать, что Пашка вырос уже... Ему и впрямь выпадает дорога к морю. Мне, если честно, надоело смотреть, как он каждый день шляется на пристань и отлынивает от работ. Больше пользы от Витюши.

Едва эти слова прозвучали, как дверь отворилась, и Павел с радостью бросился отцу на шею.

– Я все слышал, папаша. Спасибо тебе, спасибо!

Отец позволил сыну несколько раз поцеловать себя.

– Ну, довольно нежностей, – помедлив, проговорил он. – Лучше благодари крестного.

Не избежал объятий и моряк. Все улыбались, за исключением индейца. Он взирал на проявления шумной радости с явным неодобрением. Ни один юноша-негасег не позволил бы себе подобного проявления восторга в присутствии старших.

– Что, справился с поручением? – спросил дядя, указывая племяннику на лавку. – Когда нам ждать Егора?

– Легок на помине, – присаживаясь, ответил Павел. – Толкует с соседом об охоте.

ГЛАВА 3

И действительно, тот, кого так ждали, вскоре уверенно переступил порог отчего дома. Это был высокий стройный молодой человек с карими глазами, носом с горбинкой и твердым подбородком. Во многом похожий на среднего брата, Егор в свои 25 лет слегка проигрывал ему в росте. Сняв с плеч и повесив на свисавший с потолка крюк увесистую оленью ляжку, он слегка поклонился и произнес:

– Всем здравствуйте! Особливо – нашему мореходу и коммерсанту.

– Здорово, здорово, бродяга! – Иван встал и крепко обнял младшего брата. – Вижу, охота была успешной.

Егор кивнул и, мельком взглянув на индейца, спросил:

– Что делает здесь этот краснокожий?

Иван отступил в сторону и подбоченился.

– А ну-ка, знаток лесных дебрей, определи, какому роду-племени он принадлежит?

Егор принял шуточный вызов и внимательно оглядел Китче Пишу.

– Абенак, вне всяких сомнений. Гм-м, особый крой обуви говорит за то, что это пенобскот.. Отделка ноговиц, однако, свойственна норриджевокам... Но две косички в скальповой пряди прямо указывают на Людей Чистой Воды... Значит, предо мною негасег!

Индеец произнес громкое «уг», а Иван Юрьев захлопал в ладоши.

– Ну, надо же, Джон Джайлз, да и только! – воскликнул он, сравнив Егора со знаменитым индейским пленником и толмачом.

– И ты был бы таким, если б вместо палубы без конца топтал лесные тропы, – буркнул Денис.

– Ну, тебе-то как раз довелось по ним побродить, – усмехнулся Иван. – Однако ты и теперь не отличишь мирного индейца от свирепого канадского дикаря.

– Дядя Егор, дядя Егор! – наперебой загалдели двойняшки. – А Пашку нашего дядя Ваня забирает на корабль.

Егор взглянул на Павла и улыбнулся.

– То-то я вижу, он цветет, как майская роза... Что ж, сбываются его мечты... Ну, а за мной-то зачем посылали?

– Ты сначала поешь, – предложил ему Денис.

– Дело говоришь, проголодался, – согласился Егор и, усевшись за стол, выпил вина, а потом с аппетитом принялся за еду. Когда с ней было покончено, Иван указал Егору на холщовый мешок.

– В нем подарки для тебя.

Егор положил мешок на пол и, присев на корточки, извлек из него новехонький мушкет, пороховой рог и красивый мешочек для пуль. Восторгу парня не было конца, от дорогих подарков он просто не мог отвести взгляда и крепко обнял брата.

– Спасибо!.. Не знаю, как и благодарить тебя... Мой мушкет совсем плох, а этот – ну, настоящее чудо!.. И рог хорош, и мешочек.

– Пустое, брат... Мне давно следовало подарить тебе все это... А теперь садись, поговорим.

Аккуратно уложив дары обратно, Егор сел за стол и приготовился слушать. Иван глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Его обветренное, с резкими морщинками, лицо посерьезнело.

– Итак, дорогие мои, – внушительно начал он. – На этот раз я заглянул к вам не только ради встречи. Будущее семьи – вот что озаботило меня не на шутку. Признаюсь, последние годы мне не по нутру ваше бедняцкое житье-бытье. Вот взял бы всех вас, да и пристроил к моему моряцкому делу... Знаю, не выйдет!.. Каждый идет своей стезей. Но мне больно видеть, как вы беднеете, еле сводя концы с концами. Земля скудеет, и тут хоть волком вой, а не получишь с нее ни шиша.

– О засухе толкуют, вот что, – сказал Денис.

– То-то и оно. Нет, так жить нельзя. Что делать?.. Переселяться!.. За Кеннебек!.. В земли абенаков!

– Да разве я об этом не думал?! – воскликнул отец семейства. – Почитай, каждый день с надеждой смотрю на северо-восток... Но, как вспомнишь про индейцев...

– А что, Уэллс нежится в безопасности? – Иван вскинул брови. – Как раз за Кеннебеком и жить. Почему?.. Да потому, что там вы будете под защитой негасегов... Я спас Рысь, если не от смерти, то от унижительной неволи точно, и негасеги передо мной, а, значит, и перед всей моей родней, в большом долгу... Егор, спроси у Рыси, что теперь будет значить семья Хуков для его отца и соплеменников?

Младший Юрьев и абенак обменялись репликами.

– Краснокожий сказал, что каждый негасег будет считать нас братьями, – перевел Егор. Индеец многозначительно кивнул головой, заметив обращенные на него взоры.

– А теперь, брат, – важно проговорил Иван, – скажи нашему краснокожему гостю, что торговый пост на притоке Медомака переходит в собственность семьи Хуков, что вскоре вы с Денисом туда переселитесь, чтобы вести взаимовыгодную торговлю с его племенем... да и со всеми другими абенаками.

Остолбенели все, даже двойняшки перестали задира́ть друг друга.

– Не понял, – первым опомнился Денис. – Хм-м... и как же нам досталась эта фактория?

– И впрямь, чудно! – воскликнул Егор.

– Объясняю, – сказал Иван, оживленно поводя глазами. – Вспомните момент нашего последнего расставания... Что я сказал тогда?

– Ну, что позаботишься о нас, – проговорил старший Юрьев.

– Правильно, слово в слово, – улыбнулся моряк. – И позаботился, как только вернулся из плавания к Карибским островам. У меня, наконец, появились неплохие средства, и первое, что я сделал, это нанес визит Грэму Миллигану, владельцу торгового поста на Малом Медомаке. Любитель кутежей и женщин на этот раз был в таком безденежье, что согласился уступить и факторию, и землю, выкупленную когда-то у богача Джона Ловерета Младшего, по первой же предложенной мной цене.

– «К чертям собачьим! – заявил веселый ирландец. – Дикие земли и торговый пост я вверяю тебе, Хук, и делай с ними, что хочешь».

Мы оформили купчую, и я стал лендлордом, – продолжал Иван. – На короткое время, правда. В тот же день у бостонских властей я выправил кое-какие бумаги... вот они!.. взгляните!

Иван встал, достал из-под камзола два свернутых трубочкой листа воценой бумаги и торжественно проговорил:

– Это официальные акты или патенты на право владения землей. Владельцы – Дэннис и Джордж Хуки. Первоначальную ренту короне я уже внес.

– Фюить! – присвистнул Павел. – Пять тысяч акров!.. Вот это дело!

– Уму непостижимо! – почесывая затылок, сказал Денис. – Это ж громадная территория!.. За двое суток на лошади не объедешь!

Иван сел, налил себе рому и одним махом опустошил кружку.

– Землицы много, это точно. Но в свое время Уильям Пенн купил у индейцев земли куда больше, положив тем самым начало Пенсильвании. И заплатил он за нее меньше, чем я за ваш патент.

– Неуж-то? – Егор недоверчиво повел бровью.

– Было дело, было... В договоре между Пенном и вождями делаваров указывалось, что он получал земли к западу от реки Делавер на расстояние, равное полутораднечному переходу. Индейцы имели в виду обычную ходьбу, укладывающуюся за это время в тридцать миль, не более. У хитрого квакера на уме было совсем другое. Он отыскал быстрого бегуна, и тот в назначенный день по заранее приготовленной прямой тропе отправился в путь. Через 36 часов непрерывного бега он покрыл расстояние в 150 миль. Там, где бегун свалился от переутомления, люди Пенна и провели западную черту его владений.

– Ну и пройдоха этот квакер! – покачал головой Денис.

– Еще какой!.. Но нам нет резона обманывать индейцев и равняться на таких, как Пенн... Вот тебе, Денис, еще одна бумага.

Иван снова сунул руку запазуху и извлек на свет очередной свернутый лист.

– А это – официальное разрешение на право торговли с индейцами... Обоснуешься в фактории, объяви всем местным племенам, что ты пришел на Медомак всерьез и надолго... По словам Рыси пушнины на его родине навалом. Как ее приобретать и что с ней делать дальше, не тебе говорить. Сам в молодые годы промышлял шкурками. Кончатся французские поделки, – ну, все эти бусы, топорики и прочее с захваченного шлюпа, – закупишь английских товаров, которые всегда в цене у краснокожих.

В озабоченных глазах Дениса мелькнула радость. Его напряженное лицо помаленьку приобретало обычное спокойное выражение.

– Царские это подарки, брат, – сказал он. – И радостно, и оторопь берет... Когда и чем с тобой расплачиваться, вот что?

– Придет время, расплатишься, – успокоил его Иван. – Когда отдашь свои акры внаем, наладишь торговлю, тогда и поговорим об этом.

– Условия знатные, – сказал Денис и сурово посмотрел на Егора. – Вот только, чем расплатится младший с тобой, не знаю.

– Ты о чем? – нахмурился Егор.

– О том, что – чувствует мое сердце – на приобретенных для тебя акрах будут жить не белые поселенцы, а твои краснокожие дружки!

– Слушай, хоть ты и старший, а давай-ка, полегче!..

– Ну, довольно кипятиться! – вмешался Иван. – Будет вам!.. Не нравится тебе, Денис, что Егор якшается с индейцами. Но его не переделать. Да и нужно ли?.. Если он переселится со своей братией к Медомаку, то тебе и торговому посту будет только польза. В случае чего, лишние защитники не помешают. Так ведь?.. И вот мой сказ: если индейцы Максена станут надежными защитниками поселку на Малом Медомаке, с Егора я возьму лишь половину долга.

Лоб Дениса разгладился. Улыбнувшись, он произнес:

– Ладно, Егор, не сердчай... Это я так, сдуру.

Егор всегда уважал старшего брата. Тот мог вспылить, но сердце его было отходчиво.

– Чего уж там! – махнул он рукой.

– Вот и прекрасно! – хлопнул в ладони моряк.

– С чего начать? – вслух размышлял Денис. – Когда в дорогу?.. Голова идет кругом.

– Она у тебя еще долго будет кружиться, – усмехнулся Иван. – Дело не простое... А начнем с того, что Егор проводит Рысь в родные места. Там заключит с вождями негасегов нечто вроде предварительного дружественного соглашения, вручит им дары и заверит, что торговый пост на Малом Медомаке вскоре распахнет двери и будет ломиться от европейских товаров.

ГЛАВА 4

Перед путешествием на северо-восток, Егор счел нужным навестить своих краснокожих друзей. Лагерь из пяти вигвамов стоял на берегу небольшого ручья в березовой рощице. Приход бледнолицего юноши вызвал на лица индейцев добрые улыбки. Егор знал, что в каждом из жилищ с ним поделится последним куском мяса или рыбы. И это притом, что у в лагере все чаще выдавались голодные дни. Нет, все взрослые мужчины могли охотиться, а если надо, то и воевать. Меквигук Бигвадусек, Красная Вода, был отличным следопытом и охотником, которому ничего не стоило выследить чуткого оленя и уложить его одной-единственной стрелой. Вобтегуа, Дикий Гусь, с детства не расставался с дедовским мушкетом, и стрелял из него так, что дух захватывало. Сигаван, Гарпун, был специалистом в другой области: его зазубренное орудие с необычайной точностью вонзалось в жирные спины лосося и форели. Вокусис, Лисица, не только лихо управлялся с боевой палицей и копьем, но и с абордажной саблей, которую он когда-то выбил из рук голландского пирата. Все они были охотниками и воинами, но близость поселков белых людей оказывала на них дурное влияние. Виски и ром Уэллса и других прибрежных городков постепенно превращали их в никчемных созданий, забулдыг. Зачастую, вместо того, чтобы прилежно снабжать семьи дичью, мужчины попрошайничали на пристанях и у таверн.

Старый вождь этих людей, Максен, сам когда-то страдавший пристрастием к спиртному, отлично понимал, чем все это могло кончиться. Не раз он говорил Егору, что еще немного – и его лагерью придет конец. Вождь искал выход, но не находил его. В Канаду, куда переселилось большинство вевеноков, он не хотел уходить. Просить приюта у пенобскотов или норриджевоков ему не позволяла врожденная гордость. Селиться же на нейтральной территории к востоку от Кеннебека было крайне опасно: за разбой канадских крещеных дикарей отряды белых чинили расправу над первыми попавшимися индейцами. Случалось, что и мохавки, невзирая на Великий мир, заключенный в Монреале в 1701 году, нет-нет, да и появлялись в тех местах, чтобы, как прежде, вырезать одно-два отдельно кочующих семейства в отместку за давние обиды.

Егор прошел по лагерью к жилищу старого вождя. Откинув полог и проникнув внутрь, он увидел его сидящим у очага. Вождь улыбнулся гостю.

– Абина удек, – приветливо произнес он, – присаживайся позади очага.

Старик питал к белому дружеские чувства. Менее уважаемому посетителю он сказал бы: «Аби ага мадек», что означало: «присаживайся с боку», то есть, справа от входа.

Индеец и Егор раскурили трубки.

– Мой белый сын взволнован, – проговорил индеец, не глядя на гостя.

– Да, это так, сахем. Мне есть, что сказать тебе.

– Говори, мои уши открыты.

– Завтра я отправляюсь к негасегам.

– Неблизкий путь означает важное дело.

– Верно, важное.

Перед визитом к Мокасину Егор много думал о судьбе маленького индейского стойбища. Намечались перемены, и он хотел, чтобы они коснулись горстки потерянных, сбитых с толку меднокожих аборигенов.

– Моя семья, сахем, завладела торговым постом на Малом Медомаке и территорией к западу от реки. Часть земель принадлежит мне. Готовы ли вевеноки и рокамек покинуть побережье, чтобы охотиться в лесах и служить защитой торговому посту?

Старый сахем покрыл прохладной заскорузлой ладонью руку Егора и произнес дрогнувшим голосом:

– Сердце Максена радуется!.. На берегах Малого Медомака его люди вновь обретут силу и самоуважение.

ГЛАВА 5

Днем позже из Индейской бухты курсом на северо-восток отплыла маленькая флотилия из трех каноэ. Первым правили Егор и Рысь, вторым – рокамек Дикий Гусь и вевенок Гарпун. Последняя лодка, прикрепленная крепким кожаным ремнем к индейскому каноэ, была грузовым суденышком. В нем под куском старой парусины лежали дары для негасегов.

– По Кеннебеку мы поднимаемся до устья реки Себастикук, а по ней – к устью Чистого ручья, – говорил Егору Рысь. – Там сейчас негасеги, в нашей укрепленной деревне.

Морскую часть путешествия четверо гребцов завершили без всяких приключений. Погода была устойчивой, ветер лишь слегка рябил ровную поверхность заливов и бухточек.

А когда легкие каноэ из коры белой березы вошли в устье Кеннебека, начался прилив. С его помощью и при слаженных действиях гребцов они быстро заскользили вверх по широкой глади реки.

Было тихо, и только голоса пернатых доносились из тянувшихся по берегам густых чащоб. Особенно усердствовали голубые сойки – самые крикливые и беспокойные птицы Мэна. Иногда в воздух с шумом поднимались утиные стаи. Случалось, в чаще трещал валежник – явный признак присутствия лося или медведя. Жизнь шла своим обычным ходом под сенью величественных сосен с огненно-рыжей корой и пышных канадских елей. У самой воды росли сумах и ива, дальше – клены, березы и вязы. На невысоких взгорках высились колоннады пихт и лиственниц. И везде, где только возможно, топорщился подлесок и проглядывали яркие цветочные лужки.

– Земли за Кеннебеком были сердцем конфедерации Мавушен, – говорил в пути Сигаван, показывая рукой на левый берег реки. – Возглавлял ее мой предок, вождь вевеноков Башаба.

– Давно это было? – спросил Егор.

– Великого союза не стало задолго до того, как Сигаван появился на свет.

– А Башаба?

– Погиб в схватке с микмаками.

Рысь, стоя на колене на носу каноэ, так уверенно и изящно вел его вперед, что было любо-дорого смотреть. Его упругие мышцы в ходе работы словно поигрывали между собой. Вытатуированный на спине тотем – белая змея с открытой пастью – казался живым и смертоносным. Егор подметил, с какой любовью индеец смотрит на днище, где лежал красивый французский мушкет – подарок Ивана. Иной раз Егор оборачивался, чтобы взглянуть на грузовое каноэ. Прикрепленное к корме индейской лодки, оно послушно рассекало воду.

Только теперь Егор понял, что впервые в жизни ему выпала настоящая мужская работа. С ней не могли сравниться никакие охотничьи экспедиции, какими бы долгими они ни были. Победенные индейцы Новой Англии, разбредшиеся по Нью-Хемпширу и Мэну незначительными группами, перестали быть угрозой для поселений белых. Не то – негасеги... Как все обойдется?... Станут ли они друзьями Хуков?... Дадут ли обещание быть им верными союзниками?

Весь день путешественники упорно гребли, а к ночи нашли укромный затон и заночевали прямо в лодках. С рассветом под покровом тумана они тронулись дальше, держась в целях безопасности середины водного потока.

В лесах, как обычно, чирикали птицы, воздух был пропитан смолистым запахом сосен и ароматом цветов. В полдень на западном берегу Кеннебека показалась индейская стоянка. Покрытые новой берестой конические вигвамы радовали глаз. Женщины с детьми коптили на деревянных решетках рыбу, мужчины либо сидели кружками, либо прогуливались по лагерю. Некоторые подошли к воде в попытке разглядеть путешественников.

– Наши друзья, – довольным голосом произнес Рысь, – аросагунтакуки... А вон тот высокий индеец с тремя перьями в волосах, вождь Большое Озеро.

Поравнявшись с лагерем, Рысь сложил ладони у рта и крикнул:

– Привет тебе, Сибейго!.. Узнаешь сына Быстрого Змея?... Со мной – мои друзья.

– Китче Пишу! – воскликнул вождь. – Добро пожаловать к вигвамам аросагунтакуков!

Рысь повернулся к Егору.

– Надо причалить, Воби Аланкса. Мы их обидим, если проплывём мимо.

Абенак прозвал Егора Белой Росомахой в первый же день пути, когда русский искусно проимитировал крик этого храброго и неукротимого создания.

– Бояться нечего, – успокаивал Егора абенак, заметив, как тот с озабоченностью посмотрел на грузовое каноэ. – Сибейго часто ходил по военным тропам с моим отцом.

Спустя некоторое время уставшие и голодные путники с удовольствием поглощали рыбу и тушеную зайчатину, сидя в кругу приветливых аросагунтакуков. Рысь, обгладывая заячью кость, вкратце рассказал о своем похищении.

– Нельзя доверять ни нгизам, ни плачмонам, – сказал Большое Озеро. – Одни уничтожают абенаков, другие хотят, чтобы мы никогда не опускали Топор Войны, сражаясь в их войнах.

– Уг!.. Уг!.. – слышалось из круга воинов. – Сибейго говорит правду.

– Говоришь, среди похитителей был Серебристый Лис? – Большое Озеро откинул со лба прядь волос. – Аросагунтакуки не примут больше его в своих вигвамах.

– Меня спас родной брат Аланксы. – Негасег положил ладонь на плечо Егора.

– Ингиз? – спросил вождь.

– Русский.

– Русский?!

– Есть такая страна, – вступил в разговор Егор, – Россия. Она далеко. Мои родители родом оттуда.

– Это там, где Плачмонки (Франция)?

– Много дальше... А мой брат – морской торговец. Посещал земли катобов, криков, семинолов. Бывал в Карибском море.

– Мир велик, – вздохнул вождь. – Аросагунтакукам ведома лишь его малая часть. Теперь я буду знать, что есть на свете русские, которые могут выручить абенака из беды.

Окончив трапезу, путники в знак того, что угощение им понравилось, сделали несколько громких отрыжек.

– Нужно их отблагодарить, – шепнул Рысь Егору. – Таков обычай.

Егор сходил к грузовому каноэ и вернулся с ножами, бусами и зеркальцами. Когда он высыпал товар на обеденное покрывало, индейцы на блестящие безделушки, едва сдерживая волнение.

– Это все аросагунтакукам за гостепреимство, – сказал Егор.

Широкоскулое лицо Большого Озера посветлело. Пощупав бисер и потрогав ножи, он удовлетворенно закивал головой и крикнул:

– Сикведаис!

На зов из самого большого вигвама вынырнула стройная девушка. После того как Сибейго сделал ей знак, она вернулась в жилище и вышла со свертком в руках. Пока она приближалась, Егор не сводил с нее взгляда. Среднего роста, рыжеволосая, зеленоглазая с чуть вздернутым носиком и полными алыми губами она показалась ему настоящей красавицей. Подойдя и вручив вождю сверток, она осмотрела гостей и остановила взгляд на Егоре. Внутри у того что-то растаяло. Девушка улыбнулась ему и пошла прочь, слегка покачивая бедрами.

– Уг! – выдохнул он по-индейски.

Сибейго не мог не заметить интереса русского к девушке.

– Сикведаис – моя приемная дочь, – пояснил он. – Она хороша собой, и приковывает взгляды многих молодых воинов. Но я дал слово выдать дочь замуж только за того, кто станет мил ее сердцу.

Наклонившись к Рыси, Егор произнес:

– Скажи вождю, что я подарю ему мушкет, пули и порох, если он повременит со свадьбой дочери.

Негасег заулыбался и наклонился к уху вождя. Тот выслушал его и пообещал:

– Сикведаис не будет торопиться с замужеством

Затем Большое Озеро развернул принесенный девушкой сверток – в нем хранилась изумительная по красоте шкурка серебристой лисицы.

– Бери, Росомаха, она твоя. Многим белым нравятся меха аросагунтакуков.

Егор принял дар и спросил:

– А есть ли еще шкурки?

– Хватает, – ответил вождь и поглядел в сторону грузового каноэ. – Мы можем поторговать с тобой, а не с Белым Бобром, плачмоном, который скупает у нас меха.

– Нет, Сибейго, оставшийся товар для негасегов.

– Жаль, – произнес вождь. – Плачмон – скряга. Товар у него дорог и не так хорош, как тот, что привезли нам однажды охотники ингизы с побережья.

– Не расстраивайся, вождь, – успокоил его Рысь, – Торговый пост на Малом Медомаке теперь принадлежит семье Росомахи. Скоро в нем будет много товаров.

– Не отдавай меха Белому Бобру, – посоветовал Егор, глядя на Сибейго.

– Тмаква не получит их больше, – заверил вождь.

Егор на мгновение прикрыл глаза и мысленно увидел и факторию и толпы нагруженных мехами индейцев, пробирающихся через леса к Медомаку. «Вот что, похоже, теперь снится Денису», – подумал он.

Сходив к грузовому каноэ, он вернулся к обеденному месту с обещанным даром – мушкетом, порохом и пулями.

– Возьми, Сибейго, и помни, что обещал.

– Вождь не забудет, – сказал индеец.

Егор отыскал глазами среди индейнок очаровательную девушку. Внезапно у него появилось желание одарить и ее.

– У меня есть подарок для твоей приемной дочери, вождь.

– Сикведаис! – раздался громкий голос Большого Озера.

Когда дикарка предстала перед гостем, он взял ее левую руку и надел на запястье серебряный браслет в виде извивающейся змейки. Девушка вытянула руку и залюбовалась подарком. Затем кивнула, обняла Сибейго и побежала к подругам.

Попрощавшись с гостепреимными аросагунтакуками, путешественники вновь выгребли на середину реки. Индейцы вышли на берег и помахали им вслед.

– Помните! – крикнул Егор. – Каждого аросагунтакука в пушной фактории русских будет ждать теплый прием и честная торговля.

– Влипомканни! – донесся голос Большого Озера. – Счастливого пути!.. Но будьте осторожны... Ходят слухи, что у Кеннебека появились ирокезы!

Егор долго смотрел на удалявшийся лагерь и с удовлетворением отметил, что Сикведаис одной из последних ушла с берега.

ГЛАВА 6

Ирокезы!.. Сколько раз Егор слышал это общее название пяти союзных племен. И всегда люди Мокапина произносили его с ненавистью, ибо истари, с середины XVII века, мохавки повели беспощадную войну против абенаков. Мобильные отряды врагов наводили ужас в лесах Людей Утренней Зари, любая их кочевая группа могла подвергнуться внезапному и жестокому налету. А пытки тех, кого ирокезы брали в плен, были поистине ужасны.

Между тем, было время, когда ходенасауни или Люди Длинного Дома несли чувствительные поражения – их побеждали сусквеханноки, мохавки были настолько слабы, что платили могиканам дань. Но длилось это до тех пор, пока ирокезы не заполучили огнестрельное оружие у голландцев. Вот тогда и началось!.. В конфедерации пеннакуков насчитывалось когда-то до трех тысяч воинов, которыми руководили такие великие и мудрые вожди, как Пассаконовой и Ванналансет. Тем не менее, это не спасло от разгрома агавамов, аккоминтов, вамеситов, нашуа и других. Мохавки и онейды затем взялись за сококов и могикан. А гурунов, эри и нейтральных они прижали так, что те едва унесли ноги. От ирокезов нигде не было спасения, никто не мог чувствовать себя в безопасности. Кровавое пролитие прекратилось лишь в 1701 году, когда был заключен Великий мир в Монреале.

Таковы были знаменитые ирокезы, державшие в страхе малеситов на побережье Атлантики и иллинойсов на Миссисипи, нипписингов в Канаде и катобов в Южной Каролине.

После полудня четвертого дня пути на небольшом мысу показались три вигвама. Наспех поставленные, они выглядели неряшливо и убого среди всякого хлама и отбросов. Лица некоторых женщин в знак траура были вымазаны сажей. Сидя на земле и раскачиваясь из стороны в сторону, они громко причитали. Воины бивака с оружием в руках поближе подступили к воде.

– Кто они? – спросил Егор, посмотрев на Рысь.

– Уиннипесоки и оссипи! – проговорил тот. – Из конфедерации пеннакуков.

Индейцы на берегу с подозрением взирали на проплывавших мимо путешественников, держа луки со стрелами наготове. Когда Дикий Гусь и Гарпун приветственно взмахнули руками, пеннакуки ответили тем же, но по-прежнему оставались настороже.

– Я слышал, пеннакуки живут в Канаде и лишь некоторые из них ставят вигвамы в верховьях Мерримака и в Белых горах, – проговорил Егор.

– Так и есть, – подтвердил Рысь. – А эта группа разбила здесь временный лагерь. Видимо, гостила у амасеконти.

Путешественники продолжили путь. Теперь они старались постоянно держаться середины реки, и двигали веслами едва-едва, почти не слышно. Страх попасться на глаза военному отряду ирокезов был велик. Многое, если не все, зависело от предельной осторожности.

Рысь первым заметил признак близкого присутствия врага – кожаный шнурок с прикрепленным пухом и перышками, плывший по течению. Подцепив находку веслом, негасег впился в нее глазами.

– Кай-ай! – с отвращением проговорил он. – Перьевое ожерелье мохавков!

Егор, удерживая каноэ на месте легкими гребками, почувствовал, что покрывается испариной. Рокамек с веноком озабоченно переглянулись.

– Мохавки впереди, – сказал Рысь. – Это также верно, как Себастикук впадает в Кеннебек.

Сбросив с весла развязавшийся с ирокезской шеи шнурок, он сначала посмотрел на Егора, потом на индейцев.

– Что будем делать?

– Надо подумать, – сказал Гарпун.

– Двигаться дальше опасно, – проговорил Дикий Гусь. – Лучше спрятаться в тростнике и переждать.

– Мы так и сделаем, – согласился негасег.

Загнав каноэ в гущу тростника, путники застыли в молчании. Все, что они могли делать, это слушать. Яркий диск майского солнца клонился к закату. В вечерней тишине плескалась мелкая рыбешка, квакали лягушки, ныряли утки. Поодаль стрекотала сорока.

Китче Пишу пошевелился и втянул носом воздух. Потом еще раз. Егор подался вперед и в сторону, вопросительно глядя на его точеный профиль.

– Горит костер, – проговорил Рысь. – Выше по течению.

Послышался звук, заставивший всю компанию вздрогнуть.

– Что это? – прошептал Егор.

Негасег молчал до тех пор, пока звук не повторился.

– Бьют рыбу копьями, – объяснил он.

«Кто мог рыбачить там, – подумал Егор. – Мохавки?.. Или какая-нибудь кочевая семья абенаков?.. Может, тот шнурок был собственностью норриджевока, хранившийся у него в память о победе над ирокезом».

Раздумывая, Егор посмотрел на Рысь и нахмурился. Черные глаза негасега горели азартом, весь его вид говорил о том, что ему не терпится предпринять кое-какие шаги.

– Китче Пишу решил сойти на берег и посмотреть на рыбаков, – сказал индеец прямо. – Что скажет Аланкса?

Егор почти не колебался. В конце концов, в его жилах текла кровь казаков и стрельцов, сражавшихся на русской степной границе с татарами, ногаями и калмыками. Храбрые предки считали трусость унизительным пороком.

– Пойдем вместе, – ровно проговорил он.

Когда они пристали к берегу, послышался голос Гарпуна:

– Что делать нам?

– Не двигайтесь с места, – сказал Егор.

Разведчики, вооруженные мушкетами, томагавками и ножами, медленно пошли вперед, к тому месту, где время от времени слышались характерные удары копья по воде.

– Понятно, – прошептал негасег, останавливаясь. – Рыбаки на песчаной косе. Хорошее место для ловли рыбы.

Дальше они стали двигаться с еще большей осторожностью, словно хищники, чьи имена носили. Под их ступнями не треснул ни один сучок, не переломилась ни одна ветка, лишь колыхалась высокая трава да цветочные стебли.

У двух дубов, кряжистых долгожителей леса, они выпрямились и сразу увидели тех, кто рыбачил на мелководе. Обнаженные до набедренных повязок, с бритыми головами и перьями в пучках волос на макушке два ирокеза стояли по колено в воде, целя в нее короткими копьями. Результаты рыбалки были неважными – на песке лежали всего три рыбки размером с ладонь.

– Рыбаки! – пренебрежительно бросил Рысь. – Любой подросток-негасег наловил бы больше.

Егор пропустил мимо ушей едкое замечание осмелевшего абенака. Его глаза были прикованы к поясам ирокезов, с которых свисали черноволосые скальпы – яркое свидетельство опыта, отваги и предприимчивости. Это заставило его прийти в себя. У него поубавилось удалства и самонадеянности.

– Пора возвращаться, – шепнул он абенаку. – Иначе наши скальпы прибавятся к тем, что уже свисают с поясов рыбаков.

– Ха! – выдохнул Рысь. – Знаешь, чьи это скальпы? Уиннипесоков!.. Велика заслуга – снять волосы с бродячего пеннакука!

– Пусть так, но нам лучше убраться отсюда.

– А если ирокезов всего трое?.. Мы легко прикончим их, когда они сядут у костра готовить ужин ... Скальповая прядь мохавка – великий трофей!

– Мы рискуем, ирокезы в походе, должно быть, всегда начеку.

– Ну, хорошо, – попытался закончить спор абенак. – Как только станет ясно, что ирокезов больше, мы тут же вернемся к лодкам.

Скрепя сердце, Егор согласился. Но дурные предчувствия его не покидали. Ему доверили важную миссию, а он вместо того, чтобы двигаться к цели, пробует играть в кошки-мышки с самыми опасными индейцами Северной Америки!.. Благоразумие подсказывает не связываться с вражеским военным отрядом... Что выделывают ирокезы над пленниками?! Это безжалостные и искусные палачи. Они враждуют со всеми, кому выпало родиться не от их женщин... Конечно, по рассказам Ивана, мохавки и онейды держат сторону англичан. Уважаемый мохавками Питер Скайлер постоянно твердит им не причинять зла подданным английской королевы. Знаменитый вождь и друг Скайлера Хендрик-Тейанага, чей отец происходил из могикиан, повторяет воинам то же самое. Недавно он лично предотвратил гибель нескольких жителей колонии Нью-Йорк, разозливших чем-то гневных сородичей. Но кто поручится за то, что в глуши кеннебекских лесов мохавк не прикончит заодно с абенаком поселенца Новой Англии?..

Солнце уже коснулось верхушек сосен на правом берегу Кеннебека. Егор с Рысью плотнее при偎или к стволам дубов, завидя выбирающихся из воды индейцев. За все время ловли они стали обладателями лишь четырех окуней. Когда рыбаки проходили мимо, Егор отметил, что это были мощные люди. Медные обручи на руках чуть выше локтя подчеркивали силу и упругость бицепсов. Обнаженные бедра бугрились крупными мышцами. Длинные ястребиные перья, укрепленные в гребнях и скальповых прядях, мерно колыхались при ходьбе, вымазанные медвежьим жиром тела тускло блестели в лучах заходящего солнца. На правой щеке одного мохавка виднелся кривой и глубокий шрам. Обезображенное лицо с черными полосами расплывшейся боевой раскраски производило отталкивающее впечатление. А его глаза!.. Слегка раскосые, блестящие, как у змеи, они не знали покоя, обшаривая все вокруг.

Егор перестал дышать, не в силах отвести взгляд от лица грозного мохавка, на поясе которого болтались два скальпа. Перевел дух он только после того, как кусты подлеска сомкнулись за широкими спинами Меченого и его товарища.

– Пошли за ними, – шепнул абенак.

Егор молча смотрел на то место, где скрылись ирокезы. Перед его взором все еще стояли раскосые блестящие глаза.

– Ступай, если хочешь, а я возвращаюсь.

Не сказав больше ни слова и не оглядываясь, русский стремительно зашагал назад. Он думал лишь о том, как бы поскорей добраться до каноэ и выгresti в гущу тростника. Легкое движение позади него заставило его обернуться. И он снова увидел эти глаза. Тот, кому они принадлежали, был рядом. Егор успел лишь слегка приподнять свой мушкет, когда тупой конец боевой палицы ирокеза угодил ему в голову.

ГЛАВА 7

Егор пришел в себя, когда пропахший медвежьим жиром и табаком воин тащил его за шиворот по подлеску.

– Я сам пойду, – прокричал он, пытаясь встать на ноги. – Пусти!

Мохавк остановился, выпрямил пленника и осмотрел его.

– Ты кто? – спросил он на плохом английском.

Егор открыл было рот, но промолчал. Что ответить ирокезу?.. Я не англичанин и уж точно не француз... Я славянин, русский. Да, русский, живущий на американской земле, принадлежащей британской короне.

– Я русский американец из городка Уэллс! – гордо произнес он.

По лицу ирокеза нельзя было догадаться, понравился ли ему этот ответ. Развернув Егора и толкнув в спину, он повел его дальше. Спустя некоторое время они вышли на небольшую поляну. У костра сидели три индейца и жарили рыбу, нанизанную на острые палки. Егору сразу бросилось в глаза, что все они были опытными бойцами. Меченый, который выследил его, скорее всего, считался у них главным.

Китче Пишу был привязан к стволу березы, висевшей в нескольких футах от костра.

«И с таких головорезов он рассчитывал снять скальпы!» – подумал русский.

– Прости, Аланкса, – сказал негасег с печалью в голосе. – Я виноват во всем.

Егор растерянно поглядел на него.

– Надо было оставаться в лодках, – продолжал Рысь. – А теперь нас ждут пытки... Но сын Утренней Зари не закричит и не запросит пощады!

Меченый, положив оружие Егора на землю, привязал его с помощью кожаного ремня к стволу березы и присоединился к товарищам у костра. Индейцы завязали живую беседу, и казалось, перестали обращать на пленников внимание.

Беззащитных бедолаг нещадно донимала мошकारа, томила жажда, тугие ремни огнем жгли кожу. Егору очень хотелось пить, но жить – еще больше. Он снова и снова посматривал на ирокезов, надеясь отыскать в выражениях их лиц хотя бы проблеск дружелюбия. Нет! Все они готовы были в любой момент применить нож или боевую палицу. В какой-то миг Егору показалось, что Меченый посмотрел на него как-то по-особенному. Неужели сжалился?.. Или просто выбирает вид пыток?

– Китче Пишу! – громко прошептал он, – скажи, все ли они мохавки?

– Два мохавка, два сенеки.

«От последних нечего ждать пощады», – нахмурился русский. – «Слышал, что французов они привечают радушнее, чем англичан... Выходит, нет надежды... Гарпуну и Дикому Гусю приказано оставаться в лодках, и они не двинутся с места... Ирокезы!.. Но какие же мы для них враги?.. Они ненавидят французов, гуронов, алгонкинов. Особенно недолюбливают французов мохавки... Но я-то не француз!.. И Рысь теперь ярый противник лягушатников! Мы сгруппировались, когда стали следить за ирокезами... Они великие воины, а мы... мы мирные путешественники»

– Вот ты говоришь по-английски, – произнес Егор, обращаясь к Меченому. Тот жестом успокоил товарищей, схватившихся за ножи.

– Я хочу сказать, – продолжал Егор, – что я не француз. Мой друг также ненавидит французов, потому что они хотели отправить его за Большую Соленую Воду. Мой брат-моряк выр-

чил его из беды. И у нас, и у мохавков общий враг. Мы должны помогать друг другу... Вспомни своего белого друга, Питера Скайлера. Он советует ирокезам не причинять зла поселенцам Новой Англии.

Мускулистый высокий воин с карими глазами вскочил на ноги и вплотную подошел к Егору.

– Скайлер советовать мохавкам, – проговорил он, коверкая английский. – А я смотреть, какой цвет кровь у бледнолицый пес!

Он выхватил нож, но рука мохавка со шрамом тут же легла на его запястье. Состоялся короткий спор, который закончился тем, что кареглазый, нахмурившись, неохотно вернулся на свое место.

– Он – сенека, – вполголоса сказал Меченый Егору, – и редко прислушивается к словам брата Кидера, так мой народ называет Скайлера.

Он взял острую палку, насадил на нее рыбу и поднес к огню. Великан-сенека, угрюмо поглядывая на пламя, методично жевал. Егор во все глаза смотрел на Меченого. Он решил, что если кто и поможет ему спастись, то это он. Но мохавк больше не проявил к русскому никакого интереса.

Покончив с ужином, ирокезы разлеглись в удобных позах на траве и раскурили трубки. Слышались тихий говор да отрывки. Когда было выкурено по две трубки, трое индейцев поднялись на ноги и тронулись к пленникам. Четвертый, мохавк со шрамом, присел на корточки и принялся что-то объяснять своим товарищам. По жестам и тем немногим словам, которым его научили индейцы Мокасины, Егор понял, что он пытается убедить спутников отложить пытки пленников до утра. Мы устали, говорил он, поели, нам бы вздремнуть. И какое удовольствие пытать в полутьме?.. Вот наступит утро, и тогда сенека и другие точно рассмотрят цвет крови бледнолицего и абенака!

Как ни странно, доводы мохавка действовали. Сначала утихомирился единоплеменник Меченого, а затем и сенеки вернулись на свои места. Но кареглазый великан, не просидев и мгновения, вытащил нож из ножен и шагнул в сторону Егора. И снова Меченый остановил его, даже не поднимаясь с корточек. В ярости рубанув ножом воздух, западный ирокез прошипел белому:

– Твой пытка отсрочен, ингиз, но утром ты завидовать мертвым.

У Егора отлегло от сердца, когда он развернулся и зашагал к костру. На полпути он остановился, и внутренности русского обдало холодом. Однако индеец направился не к нему, а к негасегу. Плюнув ему в лицо, он сделал ножом несколько неглубоких надрезов на его груди. Кровь тонкими струйками потекла на набедренную повязку и леггинсы Рыси, и он затянул Песню Смерти. У Егора пересохло во рту... Неужели сенека покончит с негасегом сейчас?.. Он поглядел на Меченого. Тот сидел у костра и хмуро наблюдал за действиями товарища. Остальные ирокезы также не испытывали восторга. Видя это, сенека решил оставить Китче Пишу в покое. Но прежде чем отправиться к костру, он оттянул у него ухо и ударом ножа проткнул его насквозь!

У Егора перехватило дыхание и захолодело внутри. Негасег же только вздрогнул, но Песни Смерти не прервал. Меченый оторвал с набедренной повязки длинную полоску и перевязал раненное ухо, чтобы остановить кровотечение. Прodelав это, он пояснил товарищам, что абенак еще пригодится им для утренних пыток.

Меченый и два ирокеза вскоре улеглись возле костра, протянув к огню ноги. Четвертый, кареглазый великан-сенека, остался сидеть на страже. Егор искоса поглядывал на угрюмого бойца, но тот, казалось, его не замечал. Просто сидел и, куря трубку, сосредоточенно смотрел на угли костра. Тогда Егор стал с нарастающим страхом думать о том, что принесет с собой рассвет. Он считал себя слишком молодым, чтобы умереть. Никогда раньше он не подходил к смерти так близко. Сейчас она дышала ему в лицо, и ему становилось не по себе. Раньше

он любил рассветы, теперь приближение зари наполняло его сердце ужасом. Ему казалось, что луна слишком быстро скользит по безоблачному ночному небу. И он ясно понимал, что никакая сила на свете не замедлит ее извечного хода.

Часовые сменились, и на посту оказался другой сенека. Время продолжало неумолимо лететь вперед. Произошла очередная смена часовых, и надежды Егора вновь обрели силу, поскольку сторожем стал Меченый. Тот, однако, задымил трубкой и не бросил на пленников ни единого взгляда.

Вскоре Луна коснулась верхушек высоких елей. В воздухе чувствовалась предутренняя прохлада, звезды одна за другой гасли в восточной части небосклона.

Мохавк шевельнулся, медленно поднялся на ноги и, осмотрев спавших товарищей, шагнул к ближней березе. В следующий момент Егор почувствовал, что его руки свободны.

– Вот твой нож, бледнолицый, – послышался шепот ирокеза. – Освобождай товарища и исчезай! Да-джо-джи, Пума, уважает брата Кидера и не допустит гибели тех, кого он защищает.

Егор бросился к ослабевшему негасегу и разрезал его путы. Спустя мгновение оба уже были в подлеске. Прежде чем пуститься дальше, Егор оглянулся: Меченый вернулся на место и с невозмутимым видом прикладывал тлеющий сучок к чаше трубки.

ГЛАВА 8

На пути к тростнику незадачливые разведчики столкнулись с рокамеком и вевеноком. Вместе они вернулись к лодкам и быстро выгребли на середину реки.

– Ясно, что вы попали в беду, – объяснил Сигаван. – Ещё вечером Дикий Гусь прокрался к поляне и слышал, что ирокезы отложили пытки до утра. Мы шли, чтобы перерезать их всех перед рассветом.

Егор прижал руку к сердцу и искренно проговорил:

– На такое могли решиться только храбрецы.

Как только раненое ухо негасега было обработано целебной мазью из магического мешочка Дикого Гуся, компания вновь заработала веслами.

Днем путешественники вошли в устье Себастикука и, проплыв по ней около пятнадцати миль, пристали к берегу в виду главной деревни негасегов. Она стояла на возвышенности, и была обнесена высоким частоколом, в котором виднелись двое ворот. Рядом располагались возделываемые участки земли для выращивания маиса и бобов.

Оставив абенаков охранять лодки, Егор с Рысью поднялись по тропе к восточным воротам. Раньше их заметили рыбаки на реке, и едва они вышли на территорию селения, как от толпы встречающих отделился высокий индеец и бросился к ним.

– Мой отец, – сказал Рысь. – Быстрый Змей.

Сагамор негасегов крепко обнял сына и с тревогой оглядел его.

– Хвала Китче Ниваску, ты жив и на свободе!.. Но ты ранен!.. Что случилось?

Рысь сначала познакомил отца с Егором, а потом вкратце рассказал обо всем произошедшем с ним в последнее время.

– Ирокезы! – воскликнул Быстрый Змей. – Подлые убийцы!.. Заключен Великий мир, а они продолжают сеять смерть на Кеннебеке.

– Один из них, мохавк по имени Пума, спас нам жизнь, – объяснил Рысь. – Пыток и нашей смерти желали сенеки.

– Почему он освободил вас?

– Мой белый друг назвал имя бледнолицего, которого уважают мохавки.

– Я запомню имя ирокеза... Но плачмоны!.. Как они посмели так обойтись с сыном военного сагамора абенаков?.. Пусть вожди и воины услышат рассказ моего сына.

Рысь поочередно побывал в объятиях матери и двух сестер. Отправив женщин готовить домашнее угощение, Быстрый Змей провел Егора с сыном к тому месту, где стояли самые уважаемые мужчины племени во главе с седовласым сагамором Вороном.

На голове старца был красивый убор из ястребиных перьев. Одежду его составляли длинная накидка, рубаха с цветочным орнаментом, набедренная повязка и леггинсы. На ногах красовались мокасины с узором из игл дикобраза. Вождь поднял руку, и шум постепенно смолк. Только дети, играя у жилищ с собаками, иногда нарушали тишину.

– Негасеги готовы выслушать Китче Пишу, – произнес он. – Пусть Китче Ниваску поможет сказать ему всю правду.

Пока Рысь говорил, Егор занялся осмотром деревни и ее жителей. Жилища располагались в ряд, и всего их было пятнадцать. Тут стояли обычные конические вигвамы, крытые берестой, навесы, крышей которым служили еловые ветви, и крупные прямоугольные хижинки с основаниями из толстых бревен.

Мужчины негасегов были, в основном, среднего роста, женщины малорослы, но милые. В одежде преобладали изделия из выделанной оленьей и лосиной кожи, кое-кто был облачен в платье европейского покроя.

«Негасеги – маленькое, но сплоченное племя, – подумал Егор. – Тут почти не чувствуется влияния белых людей...».

Ход его мыслей прервали улюлюканье и боевые кличи. Егор понял, что Рысь рассказом о вероломстве белых людей вызвал у воинов негодование. Русскому показалось, что они готовы были действовать, и попадись им в руки француз, ему точно бы не поздоровилось.

Закончив свою речь, Рысь переговорил с отцом и встал подле Егора.

– Отец, сказал, что несколько дней назад посланец из Канады пытался убедить негасегов идти к верховьям Гудзона, к озеру, которое белые называют Джордж, чтобы помочь губернатору Монреаля де Рамзе нанести поражение ингицам Николсона. Вожди выслушали его, но твердо решили остаться в стороне. И не потому, что у ингицов в союзниках около трех сотен ирокезов. В последнее время негасеги подозревают канадцев в неискренности. Те хотят загребать жар чужими руками...

Рысь хотел сказать еще что-то, но Китчига Гаго, Ворон, возвысил голос:

– Негасеги недавно показали, что они за нейтралитет. Когда-то они и плачмоны вместе проливали кровь. Теперь они хотят, чтобы она струилась только из жил абенаков... Раньше они были щедры, теперь от них не дождешься обещанных по договорам подарков. Где ружья, порох, пули, медные котелки?.. Все оседает в деревнях алгонкинов, монтанье, микмаков и наסקапи. Так пусть эти индейцы и сражаются в войнах, которые развязывают плачмоны!

– Плачмоны не достойны нашей дружбы!

– Негасеги не должны иметь с ними никаких дел!

Китчига Гаго хмуро кивал головой.

– Надругательство над Китче Пишу не останется неотмщенным, – выкрикнул он. – Первый же плачмон, который попадет в руки негасегов, почувствует на себе их ярость.

Отдельные возгласы недовольства слились в один мощный рев согласия. Когда шум стих, Рысь рассказал сахему про бледнолицего товарища, в одежде и внешнем виде которого было много индейского.

– Белый человек по имени Росомаха – желанный гость в селении негасегов, – сказал Китчига Гаго. – В любом вигваме с ним поделаются едой и табаком.

По знаку вождя народ стал расходиться с площади. Прежде чем отправиться к дому, Рысь попросил отца послать воинов за индейцами Мокасином и содержимым грузового каноэ.

Конический вигвам Быстрого Змея был покрыт большими пластами бересты. Под ней четко просматривался остов из четырех шестов с прикрепленным дымным клапаном. Кусок лосиной шкуры служил пологом или дверью.

После того как негасеги занесли в жилище мешки с дарами, Быстрый Змей пригласил гостей зайти внутрь. Егор, Вобтегуа и Сигаван удостоились чести сесть на почетное место – напротив входа за очагом. Как и у всех абенаков, лежанки негасегов из еловых веток, покрытых выделанными шкурами, располагались вдоль стенок жилища. С опоясывающего стенки обруча из шестов свисали многочисленные кожаные мешки с запасной одеждой и обувью, а так же снегоступы, капканы, сети, гарпуны и прочая утварь.

Хозяйка жилища подала каждому мужчине тарелку из бересты с горячим куском тушеной оленины. Затем последовали тушеные овощи и жареная форель. Во время курения Рысь во всех подробностях рассказал отцу о семье Хуков и ее намерении переселиться на Малый Медомак для ведения торговли с окрестными племенами. Объяснил также, что младший Хук послан на Себастикук с тем, чтобы раздать старейшинам подарки и заключить предварительный дружественный договор.

Когда Рысь закончил свою речь, Егор порылся в мешках и вручил Быстрому Змею новенький мушкет, пороховой рог, мешочек с пулями, томагавк, нож и полотно красного сукна.

– Такие же подарки получают и другие вожди, – пояснил он.

Военный сагамор негасегов склонил голову и приложил руку к сердцу. Видно было, что ценные дары произвели на него глубокое впечатление.

ГЛАВА 9

С тех пор, как Егор совершил опасное путешествие к Себастикуку, минуло три месяца. На излучину Малого Медомака из Уэллса переместились не только Юрьевы, но и Вескампы с Макдермотами. И почти сразу, не теряя времени, Денис с делегацией поселка заключил с негасегами подлинный договор. Старожилы из семейств шведов Юханссонов, норвежцев Соренсенов, ирландцев О'Лири и шотландцев Дугласов тепло встретили новоприбывших, помогли им и словом и делом – дома для голландцев и шотландцев были возведены совместными усилиями в кратчайшие сроки. Люди в тяжелых трудах и заботах сплотились, и поначалу изредка, а затем все чаще и чаще свой затерянный в дебрях поселок стали называть Хуктауном. В честь знавшего толк в кулачных боях и метании ножей хозяина торгового поста, который в сердцах мог наговорить грубостей, но был искренним и душевным человеком. Очень скоро люди признали в нем лидера. Он давал дельные советы, оказывал всем посильную помощь и никогда не терял присутствия духа.

В один из дней конца сентября к торговому посту подошел, то и дело оглядываясь, ирландец О'Лири. На одутловатом лице любителя выпить мешались боль, надежда и отчаяние. Сидевший на лавке возле порога торгового поста Денис вынул изо рта трубку.

– Опять вчера плавал к побережью? – сурово спросил он. – Эх, Патрик?!.. Сопьешься ты к чертям собачьим!

Светловолосый ирландец, имевший в плечах две сажени, был кроток и незлобив. Поздоровавшись с Юрьевым, он пробасил:

– Налей, Дэннис!.. Башка трещит от горлодера Слизняка Богарта.

– Ты хоть слышал, что я сказал?

– Слышал... Ты умный, дельный человек, но налей, а не то помру у тебя на пороге...

Налей!

– Пойми, ирландская твоя душа, никогда еще крепкая выпивка не доводила людей до добра!

Юрьев сходил к стойке в фактории и вернулся с кружкой рома. Ирландец вырвал ее у него из рук и в два глотка опустошил. Крякнув, он просипел:

– Спасибо!.. Запиши на мой счет.

– И не подумаю... Я отлично помню, как ты вкалывал на постройке второго этажа блокгауза... Только хватит шлаться к этому скунсу, Богарту!

– Не буду, Дэннис.

– И чем же ты заплатил за его пойло?

– Вчера на яме поймал большущего сома...

– Глупец ты, Патрик. Снес бы рыбину в дом, порадовал бы семью.

– Та сомовья яма невядалеке от побережья. До Слизняка было рукой подать... Ладно, еще раз спасибо.

Он махнул рукой и заторопился к реке, где рыбачили мальчишки.

Юрьеву вспомнилось хитрое и острое, как у хорька, лицо Богарта. Тот раз за разом дурил в торговых делах индейцев и таких белых, как простак О'Лири, и изменяться не собирался. Запреты губернатора на продажу индейцам спиртного, оружия и боеприпасов для него были пустым звуком. Для отвода глаз он имел небольшой запас бус, зеркалец и другой чепухи, но главным его товаром был разведенные в речной воде виски и ром. Ходили также слухи, что он стал тайным агентом губернатора Сьюберказа.

Сам Денис держал ром в фактории, однако шел он лишь на то, чтобы угощать краснокожих звероловов, приносивших ему меха. Славу честного торговца он заработал очень быстро. Казалось, Юрьевы только вчера обосновались в просторных помещениях фактории, а о щедрости и честности хозяина прознали и в вигвамах алгонкинов Канады, и в жилищах микмаков Акадии. Как следствие, он сбыв почти весь свой французский запас и планировал со дня на день отплыть к Бостону за английским товаром.

Юрьев, сидя на лавке, покуривал виргинский табак и предавался ленивым размышлениям. Время близилось к обеду, и ему было слышно, как Оливия гремела посудой на кухне. На втором этаже шумно играли двойняшки. Он улыбнулся, вспомнив желание Витюши стать «большим коммерсантом». А что?! Хоть и мал еще, а есть в нем стержень, есть... Павел – умница!.. Капитан провинциальной галеры не нарадуется на исполнительного и подающего большие надежды юнгу Хука!.. А вот Егор... Ох, уж этот младший!.. С окончанием отделки второго этажа фактории, которая была на самом деле укрепленным блокгаузом с узкими бойницами и тяжелой дубовой дверью, брат все чаще стал пропадать у переселившихся на Медомак индейцев Мокакина. Последние три недели он вообще от них не возвращался. Ходили слухи, что на общем сходе краснокожие избрали Воби Аланксу, так теперь называли Егора, военным предводителем маленького племени. Поспособствовала этому его победа над двумя пигвакетами вождя Адиавандо, напавшими на него во время сбора моллюсков на побережье.

Вслед за О'Лири к блокгаузу пожаловали два других жителя Хуктауна. Это были закадычные друзья, норвежец Лейф Соренсен и швед Харальд Юхансон. Первый отличался высоким ростом и худобой, второй – кряжистой основательностью. Поскольку оба несли берестяные короба, Юрьев понял, что они пожаловали за провизией, которая была приобретена в Уэллсе и теперь подходила к концу. Молва о том, что на малом Медомаке можно не только сбывать пушнину, но и закупить съестного, быстро облетела округу. Однажды в гости к Юрьеву пожаловала небольшая охотничья община монтанье. Смуглолицые и коренастые канадские индейцы произвели на него неприятное впечатление. Их одноглазый вождь к тому же без спросу полез к бочке с ромом, и хозяину фактории ничего не оставалось, как окоротить наглеца ударами кнута. Наскоро поторговавшись, монтанье с угрюмым видом оставили факторию и скрылись в чаще. Русский долго не мог забыть подозрительных визитеров.

Норвежец со шведом поздоровались с Юрьевым, уселись на лавку и закурили свои длинные тонкие трубки.

– Какие новости, друзья? – спросил хозяин торгового поста, морщась от зловония дешевого табака.

– Помаленьку начинаем готовиться к зиме, Дэннис, – сказал норвежец, шмыгнув острым длинным носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.